

Визит
1895

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

5
АВГУСТЪ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,

Никольская ул., собств. домъ:

1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ХЛѢБЪ. (Романъ). <i>Окончаніе</i> .—Д. Н. Мамина-Сибиряна.	1
II. МАРЧЕЛЛА. Романъ мистръс Уордъ. Переводъ съ англійскаго А. С. М. <i>Продолженіе</i>	50
III. ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ. (Повѣсть).—Вл. И. Немировича-Данченко.	100
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Д. Бальмонта.	148
V. КАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ времяъ Нерона. Гейрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	151
VI. ЦЕЗАРЬ ЛОМБРОЗО, КАКЪ УЧЕНЫЙ И МЫСЛИТЕЛЬ. <i>Продолженіе</i> .—И. Д—ова	1
VII. НОВЫЙ РАСКОЛЪ ВЪ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. — Л. Е. Оболенскаго.	29
VIII. ИСПОВѢДЪ ЗАГАДОЧНОЙ НАТУРЫ.—И. И. Иванова.	49
IX. БРЕСТЯНСКІЯ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ ВЪ СИБИРЬ.—А. А. Ч.	80
X. НОРВЕГІЯ И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ. (<i>Hugues le Roux</i> : «Notes sur la Norvège»).—М. А. Ш.	97
XI. ГАМЛЕТЪ. Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго В. М. С.	112
XII. ВОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВО ВЪ РОССИИ. — И. Н. Миклашевскаго.	138
XIII. ОТВѢТЬ Г. МЕНЬШИКОВУ.—О. Т. В.	157

Новый расколъ въ нашей интеллигенціи.

(Н. Бельтовъ: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“.—П. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“).

I.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ средѣ нашей интеллигенціи произошло довольно крупный и весьма обостренный расколъ. Онъ былъ вызванъ появленіемъ въ свѣтъ двухъ сочиненій, заглавія которыхъ я выписалъ выше.

Новое раздѣленіе, новая междоусобица, при малочисленности интеллигенціи (въ лучшемъ смыслѣ этого слова), всегда крайне печальны по своимъ результатамъ. Конечно, различія во мнѣніяхъ неизбѣжны, полемика о нихъ полезна, но если только эта полемика не ведетъ къ обостренному расколу и враждебности въ средѣ той части интеллигенціи, у которой есть многое, что можетъ и должно было бы объединять ее.

Печально такое положеніе не потому лишь, что лучшихъ представителей интеллигенціи у насъ очень мало, а еще и потому, что спорящія стороны, благодаря рѣзкости полемическихъ приемовъ, не въ силахъ стать на болѣе объективную, примиряющую точку зрѣнія, а, между тѣмъ, самый вопросъ, затронутый полемикой, настолько важенъ и насущенъ, что объективное, строго-научное, вѣд-партійное разсмотрѣніе его представляется настоятельно необходимою. Но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, обѣ стороны считаютъ себя совершенно безпристрастными, ищущими только одной истины, а потому,—въ этомъ смыслѣ,—и объективными, и научными. Каждая сторона упрекаетъ другую въ субъективизмъ, въ предвзятыхъ взглядахъ, въ теоретическихъ и практическихъ ошибкахъ. И ни той, ни другой сторонѣ нѣтъ *психологической* возможности стать вѣд своего субъективного настроенія, стать на почву научнаго метода.

Вотъ эту попытку я и хочу сдѣлать. Я не мечтаю о роли миротворца; это едва ли и возможно. Я буду считать свое дѣло сдѣланнымъ, если мѣ удастся указать, что и у той, и у другой стороны есть и свои круп-

ныя заслуги, и нѣкоторыя крупныя ошибки; что эти послѣднія происходят и на той, и на другой сторонѣ одинаково отъ недостаточно обоснованнаго социологическаго «субъективизма», хотя одна изъ сторонъ, а именно авторы вышеназванныхъ книгъ, считаютъ себя въ социологии «объективистами». Я постараюсь показать, что названныя книги, во всякомъ случаѣ, принесли крупную пользу, заставивъ вновь пересмотрѣть вопросъ, и дали возможность установить третью, синтетическую точку зрѣнія, которую я и намѣчу въ концѣ.

Я сказалъ, что обѣ книги затрогиваютъ самый насущный вопросъ нашей жизни: должны ли мы пережить ту стадію экономическаго развитія Западной Европы, которая называется капитализмомъ?

Оба автора рѣшаютъ его въ положительномъ смыслѣ, т.-е. что переживемъ мы его неизбежно и переживаемъ даже теперь. Они не отрицаютъ того зла, которое является обыкновенно съ развитымъ капитализмомъ, т.-е. бѣдствій — пролетаріата, обезземеленія массъ, промышленныхъ кризисовъ, безработицы и т. д. Нѣтъ, оба они — горячіе послѣдователи Карла Маркса и, стало быть, враги капитализма, но они убѣждены, вслѣдъ за Энгельсомъ, что освобожденіе отъ капитализма можетъ возникать *только* въ его же собственныхъ нѣдрахъ и не можетъ явиться въ какой-либо другой стадіи экономическаго развитія, наприм., въ той, какую переживаетъ Россія.

Таково, въ общихъ чертахъ, основное положеніе, которое стремятся доказать обѣ книги. Авторы ихъ строятъ свои доказательства на одномъ и томъ же теоретическомъ фундаментѣ, который называется «экономическимъ матеріализмомъ» или еще иначе — «діалектическимъ матеріализмомъ». Дальше мы увидимъ подробнѣе, что такое «экономическій» или «діалектический» матеріализмъ. Пока же замѣтимъ только, что его не нужно смѣшивать съ матеріализмомъ философскимъ. Сущностью экономическаго матеріализма можно считать его утвержденіе, что всѣ явленія челоѣческаго прогресса, т.-е. не только политическія и общественныя формы, но даже мораль, философія, литература, идеи, идеалы, — все выростаетъ на почвѣ экономической, находится въ зависимости отъ стадій экономическаго развитія. Подъ словомъ «экономическія стадіи» понимаются «особыя отношенія людей въ производствѣ», которыя измѣняются въ каждой стадіи: наприм., въ стадіи капиталистической отношенія не тѣ, какія мы находимъ въ стадіи рабочей, и т. под.

Несмотря на полное сходство направленій обоихъ авторовъ, у нихъ оказываются и нѣкоторыя различія. Такъ, г. Струве болѣе догматиченъ; онъ безусловно вѣритъ въ необходимость переживанія для каждой націи всѣхъ стадій, какія пройдены другими, и у него этотъ оттѣнокъ доходитъ до метафизическаго фатализма, причѣмъ онъ даже не считаетъ нужнымъ его доказывать, а просто выписываетъ положенія и цитаты изъ своихъ нѣмецкихъ авторитетовъ. Г. Бельтовъ гораздо болѣе самостоятеленъ и начуенъ. Онъ говоритъ: «Всякій процессъ безусловно *обязателенъ* тамъ, гдѣ

онъ существуетъ. Такъ, наприм., горѣніе спички обязательно для нея, разъ она загорѣлась; спичка обязательно гаснетъ, разъ процессъ горѣнія пришелъ къ концу. Въ *Капиталъ* (Маркса) рѣчь идетъ о ходѣ капиталистическаго развитія, *обязательнаго для тѣхъ странъ, идѣ это развитіе имѣетъ мѣсто*» (стр. 251).

Полемизируя съ г. Михайловскимъ, г. Бельтовъ доказываетъ, что тотъ же не понялъ Маркса, когда утверждалъ, что, по мнѣнію этого нѣмецкаго ученаго, «капиталистическое производство обязательно для всѣхъ странъ и для всѣхъ народовъ». «Диалектическій матеріализмъ, т.-е. теорія Маркса, никакихъ странъ ни къ чему не приговариваетъ, онъ не указываетъ пути общаго и «обязательнаго» для всѣхъ народовъ во всякое данное время; дальнѣйшее развитіе всякаго даннаго общества всегда *зависитъ отъ соотношенія общественныхъ силъ внутри его*».

Далѣе онъ приводитъ отрывокъ изъ письма Маркса (къ редактору *Отечественныхъ Записокъ*), которое было напечатано въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*. Въ этомъ письмѣ Марксъ говоритъ: «Если Россія будетъ продолжать идти путемъ, избраннымъ ею послѣ 1861 г., она потеряетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо историческій ходъ давалъ народу для минованія всѣхъ перепетій капиталистическаго развитія».

Такимъ образомъ, если г. Бельтовъ считаетъ наступленіе въ Россіи капитализма неизбѣжнымъ, то потому только, что «спичка уже загорѣлась», или, говоря словами Маркса изъ того же письма: «въ послѣдніе годы Россія довольно потрудила въ смыслѣ шествія по названному пути».

Отъ себя г. Бельтовъ добавляетъ: «съ тѣхъ поръ, какъ это письмо было написано (т.-е. съ 1877 г.), Россія шла по этому пути все дальше и все быстрѣе».

Таковы взгляды г. Бельтова. Имъ нельзя отказать въ вѣсности и основательности, и возражать на нихъ можно только въ двухъ направленіяхъ: или необходимо доказать съ фактами и цифрами въ рукахъ, что Россія еще не вступила на путь капиталистическаго развитія,—а это доказать едва ли возможно*),—или же придется рѣшить вопросъ: можетъ ли страна, уже ступивъ на этотъ путь, свернуть съ него? Посмотримъ сперва, какъ смотреть на этотъ второй вопросъ самъ авторъ. На стр. 257 онъ говоритъ: «Россія будетъ идти по пути капиталистическаго развитія не потому, что существуетъ какая-то сила внѣшняя, какой-то таинственный законъ, толкающій ее на этотъ путь, а потому, что нѣтъ *фактической внутренней силы*, которая могла бы сдвинуть ее съ этого пути». Въ другомъ мѣстѣ эта мысль выражена еще точнѣе: «Надо изучить,—говоритъ авторъ,—прежде всего отношеніе общественныхъ классовъ. Только такое изученіе можетъ показать, что «обязательно» и что «необязательно» для даннаго общества» (стр. 253).

*) Ниже будутъ приведены цифры, доказывающія, какъ глубоко уже проникъ капитализмъ въ самую жизнь народа, въ деревню и даже общину.

Читатель видит, что авторъ считалъ бы возможнымъ «сдвинуть Россію» съ этого пути, когда она уже стоитъ на немъ, если бы для этого были шансы въ «отношеніяхъ классовъ», въ «существованіи внутреннихъ силъ, необходимыхъ для этого».

Отсюда и возникаетъ возраженіе г. Бельтова нашимъ «народникамъ-идеалистамъ». На что они надѣются? До сихъ поръ они указали только одну такую силу: *ихъ собственные идеалы*, но г. Бельтовъ находитъ, что это столь же мало дѣйствительно, какъ и надежда тюремнаго узника бѣжать изъ запертой тюрьмы при помощи лодки, нарисованной на стѣнѣ. Это вовсе не значить, что г. Бельтовъ не признаетъ никакого значенія за идеалами и идеями, — какъ мы видимъ это у г. Струве, — нѣтъ, авторъ «монистическаго взгляда» признаетъ даже, что идеи и идеалы или, какъ называетъ онъ, «психологическая эволюція», предшествуютъ экономическимъ переломамъ (стр. 176), но чтобы вліять на процессъ развитія, они не должны быть лишь въ головахъ отдѣльныхъ личностей, «героевъ», по г. Михайловскому, какъ его понимаетъ г. Бельтовъ *). Онъ полагаетъ, что народники-идеалисты думаютъ такъ: «были бы герои, толпа для нихъ найдется, и эти герои — мы, т.-е. субъективная интеллигенція», но, — говоритъ на это г. Бельтовъ, — «ваше противоположеніе героевъ толпѣ есть простое самоиженіе и потому самообманъ. И вы останетесь простыми говорунами до тѣхъ поръ, пока не поймете, что для торжества вашихъ идеаловъ надо устранить самую возможность такого противопоставленія, надо разбудить въ толпѣ героическое самосознаніе».

Но если бы только въ этомъ было разногласіе г. Бельтова съ народниками-идеалистами, то, вѣдь, оно оказывалось бы разногласіемъ «мнимымъ», такъ какъ г. Михайловскій заявилъ открыто, что никогда не думалъ когонибудь «благодѣтельствовать» ad hoc. Въ виду этого трудно согласиться съ г. Бельтовымъ, когда онъ, обращаясь къ своимъ противникамъ, говорить имъ: «Не слѣдуетъ оставлять свѣтильника въ тѣсномъ кабинетѣ интеллигенціи! Пока существуютъ «герои», воображающіе, что имъ достаточно просвѣтить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда имъ угодно, чтобы лѣпить изъ нея, какъ изъ глины, все, что имъ вздумается, — царство разума остается фразой, благородною мечтой».

Я сказалъ, что съ этимъ нельзя согласиться, но, конечно, не потому, что это положеніе не вѣрно само по себѣ, а только потому, что эта «аксіома» едва ли гдѣ-нибудь и когда-нибудь отрицалась народниками-идеалистами или субъективистами. Я ничего подобнаго не помню, а, наобо-

*) Г. Михайловскій въ январской книжкѣ *Русскаго Богатства* отвергаетъ такое пониманіе своей теоріи „героевъ и толпы“, утверждалъ, что называлъ „героями“ вообще всякихъ энергическихъ вожаковъ, увлекающихъ толпу, а вовсе не хотѣлъ этимъ сказать, что человечество спасутъ „герои“ въ смыслѣ Карлейля. Онъ отвергаетъ обвиненіе, что субъективисты „не желаютъ содѣйствовать сознанію производителей, а думаютъ облагодѣтельствовать ихъ на условіяхъ полной покорности массъ“ (*Русское Богатство*, № 1, стр. 144).

ротъ, вижу въ этомъ направленіи постоянное стремленіе не ставить свѣтильника въ узкомъ кабинетѣ интеллигенціи, т.-е. постоянное горячее стремленіе къ наибольшему просвѣщенію народа. И такъ, если бы только въ этомъ было разногласіе, то оно падаетъ само собою, является какимъ-то недоразумѣніемъ.

По существу самъ г. Бельтовъ не только признаетъ, что человѣчскій разумъ, а, стало быть, и его созданія — идеи, идеалы, знаніе имѣютъ значеніе, — онъ идетъ, пожалуй, дальше субъективистовъ и утверждаетъ слѣдующее: «такъ какъ человѣчскій разумъ можетъ восторжествовать надъ слѣпою необходимостью, только *познавъ* ея собственные внутренніе законы, только побивъ ее ея собственной внутренней силой, то *развитіе знанія, развитіе человѣческой сознанія* является благороднѣйшею задачей мыслящей личности». На основаніи этого положенія, авторъ приходитъ даже къ тому, что торжество необходимости надъ человѣкомъ есть временное торжество, зависящее отъ его незнанія законовъ дѣйствительности. Когда это незнаніе замѣнится знаніемъ, тогда человѣкъ самъ овладѣетъ необходимостью и законами жизни и будетъ ихъ направлять къ своимъ цѣлямъ.

Послѣ такихъ заявленій читатель рѣшительно недоумѣваетъ, въ чемъ же то коренное разногласіе, которое заставило г. Бельтова излить столько сарказмовъ, насмѣшекъ и укоровъ на г. Михайловскаго и лицъ, раздѣляющихъ его взгляды? Разногласіе лежитъ глубже.

Такъ, по г. Бельтову, «психологическая эволюція» хотя и предшествуетъ экономическому перевороту, но сама все же развивается *только на экономической почвѣ*. «Психологія общества, — говоритъ онъ на стр. 176, — *приспособляется къ его экономіи*. На данной экономической основѣ роковымъ образомъ возвышается соответствующая ей идеологическая надстройка. Но, съ другой стороны, каждый новый шагъ въ развитіи производительныхъ силъ ставитъ людей, въ ихъ повседневной житейской практикѣ, въ новыя взаимныя положенія, не соответствующія отживающимъ отношеніямъ производства. Эти новыя, небывалыя положенія необходимо отражаются на психологіи людей и очень сильно ее видоизмѣняютъ. Въ какомъ же направленіи? Одни отстаиваютъ старые порядки: это — люди застоя. Другіе, тѣ, которымъ невыгоденъ старый порядокъ, стоятъ за поступательное движеніе; ихъ психологія видоизмѣняется въ направленіи тѣхъ отношеній производства, которыми замѣнятся современемъ старыя, отживающія экономическія отношенія».

Говоря проще, психологическая эволюція, предшествующая реформѣ, развивается на опытѣ тѣхъ неудобствъ, которыя представляетъ предыдущая стадія. Такимъ образомъ, хотя психологическая эволюція и предшествуетъ реформѣ, но чтобы она явилась и создала реформу, нужно людямъ пережить *неудобства* предыдущей стадія, а такъ же, конечно, и самую стадію, наприм., капитализмъ.

И такъ, вотъ гдѣ коренное разногласіе: народники-идеалисты не хотятъ

признать, что необходимо фактически пережить капиталистическую стадию для того, чтобы явилась «психологическая эволюция», отрицающая ее. Но тут противники г. Бельтова могли бы упрекнуть его как раз в том самом, в чем он только что упрекнул их, а именно—в противупоставленіи «героевъ» толпѣ: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, г. Бельтовъ и его сторонники могли же сознать неудобства и опасности капиталистической стадіи, *переживая ея фактически*. Почему же народъ русскій долженъ непременно пережить ее *de facto*, чтобы понять ея опасности и неудобства? Откуда такое различіе между интеллигенціей и массой, оказывающееся у гг. экономическихъ матеріалистовъ? Можетъ казаться, что эта группа гораздо арстократичнѣе идеалистовъ-народниковъ. Вѣдь, тѣ, наоборотъ, додумавшись сами до извѣстныхъ положеній путемъ теоретическимъ и научно-историческимъ, т.-е. ознакомленіемъ съ исторіей капитализма въ Западной Европѣ, очевидно, находятъ, что и весь русскій народъ можетъ тѣмъ же путемъ совершить свою «психологическую эволюцію», не нуждаясь въ туманахъ «нагляднаго обученія» при посредствѣ самого капитализма. Вѣдь, народъ русскій не изъ другой же глины сдѣланъ?

Этого противорѣчія не замѣчаетъ г. Бельтовъ въ своей теоріи, иначе онъ, конечно, объяснилъ бы его читателямъ.

Такъ какъ я ни на минуту не допускаю у него тѣхъ взглядовъ на массу, въ которыхъ онъ только что обвинялъ другихъ,—хотя и ошибочно,—то приходится намъ самимъ объяснить это противорѣчіе. Г. Бельтовъ, очевидно, могъ бы сказать, что различіе между интеллигенціей и массами лежитъ, въ данномъ случаѣ, не въ томъ, что онѣ изъ разной глины сдѣланы, а въ томъ, что онѣ живутъ въ совершенно различныхъ условіяхъ *умственной жизни и возможности приобрѣтенія знаній*. Мнѣ кажется, ничего иного не могъ бы отвѣтить самъ г. Бельтовъ, *если только она признаетъ, что у него самого и у народниковъ-идеалистовъ психологическая эволюція созрѣла*. Я допускаю даже такое его возраженіе, что, дескать, все-же и у насъ, интеллигентовъ, эта психологическая эволюція развилась на почвѣ капитализма, который мы наблюдали, хотя и не въ Россіи, и узнали отчасти по книгамъ, описывавшимъ его, отчасти—посредственно, наблюдая жизнь Западной Европы.

Но если такъ, то оказывается, что фактическаго наступленія капитализма было бы и совсѣмъ не нужно для приобрѣтенія извѣстнаго сознанія, если бы масса могла пользоваться такими же условіями умственной жизни, какими пользуется интеллигенція, то-есть, еслибы она могла приобрѣтати знанія, наприм., хотя бы по новѣйшей исторіи Западной Европы и ея экономическихъ порядковъ. А, вѣдь, это измѣняетъ весь вопросъ.

Соглашаясь даже съ авторомъ, что психологическая эволюція возникаетъ только на экономической почвѣ, т.-е. требуетъ извѣстной экономической стадіи, мы изъ этого же положенія дѣлаемъ иной выводъ, чѣмъ онъ: эта стадія *дана намъ Европой*, и знакомство съ этою стадіей (*теоретическое*) можетъ и должно замѣнить для насъ фактическое перенесеніе ея на сво-

ихъ плечахъ. Если для такой возможности требуются доказательства, то они имѣются въ лицѣ самого автора, г. Струве, и всей той части русской интеллигенціи, которая достигла даннаго сознанія путемъ научнымъ, теоретическимъ.

Отсюда мы видимъ, что разногласіе между противниками могло бы быть сведено на почву еще болѣе ограниченную, а именно: на вопросъ о томъ, есть ли *фактическія основанія* надѣяться, что для русской массы возможно въ скоромъ времени наступленіе такихъ умственныхъ условій, при которыхъ она можетъ ознакомиться научно-теоретически съ высокимъ и важнымъ значеніемъ исконныхъ формъ ея быта, а именно — артели, общины, кустарныхъ промысловъ и т. д., или такая надежда невозможна?

Этотъ вопросъ я разсмотрю въ концѣ статьи, послѣ разбора книги г. Струве, а теперь замѣчу только: уже возможность постановки такого вопроса доказываетъ, что существуетъ для нашей промышленности не одинъ только исходъ, какъ думаетъ г. Бельтовъ, но еще и другой: *обходъ капитализма черезъ теоретическое* ознакомленіе съ нимъ. И, во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшить, что наступленіе капитализма неизбежно, г. Бельтовъ долженъ былъ доказать невозможность второго исхода.

И такъ, оставляя эту задачу до конца статьи, я теперь отвѣчу еще на одно возраженіе и даже на два, которыя почерпаю изъ книги г. Бельтова. Онъ говоритъ, что моментъ поворота съ капиталистическаго пути уже пропущенъ, такъ какъ «капитализмъ уже насаждается съ самаго освобожденія крестьянъ». Но ни г. Бельтовъ, ни Марксъ не указываютъ того *момента* въ развитіи капитализма, послѣ котораго невозможенъ поворотъ. Между тѣмъ, они оба признаютъ, какъ мы видѣли, что въ началѣ развитія онъ *возможенъ*. Такъ, въ письмѣ Маркса это совершенно опредѣленно выражено фразой: «если Россія *пойдетъ далѣе* по тому же пути». Стало быть, необходимо точно указать каковой-нибудь законъ, на основаніи котораго то, что было возможно въ 1877 году, т.-е. черезъ 15 лѣтъ, послѣ начала нашего капиталистическаго процесса, невозможно черезъ 33 года. Такого закона, опредѣляющаго моментъ, послѣ котораго можно произнести знаменитую фразу: «оставь всякую надежду», г. Бельтовъ не указалъ, если не считать ссылки на загорѣвшуюся спичку (см. выше). Однако, такая ссылка, представляющая только метафору, до такой степени не можетъ служить научнымъ доказательствомъ, что было бы странно даже возражать противъ нея, наприм., въ такомъ родѣ, что спичку всегда можно загасить и не дать ей догорѣть до конца.

Но тутъ возникаетъ другое, уже приведенное мною выше, возраженіе: г. Бельтовъ не видитъ той силы, того соотношенія общественныхъ классовъ, которыя могли бы противиться наступленію капитализма. Однако, говоря это, онъ имѣлъ въ виду тѣ крупныя экономическія мѣропріятія, которыя могли бы измѣнить начавшееся теченіе. Онъ не имѣлъ въ виду собственно того возраженія, которое я поставилъ сейчасъ, относительно возможности теоретическаго переживанія стадіи капитализма, вмѣсто фак-

тического. Я готовъ согласиться съ нимъ, что, быть можетъ, одного теоретическаго переживанія,—если бы на него и была надежда,—еще недостаточно безъ важныхъ экономическихъ мѣропріятій. Но г. Бельтовъ не указываетъ, какія же мѣропріятія могли бы остановить торжественное шествіе капитализма? Вѣдь, послѣ такого указанія можно было бы сказать точно, есть ли на нихъ надежда при существующемъ отношеніи общественныхъ классовъ. Значитъ, мы видимъ тутъ крупный пробѣлъ въ доводахъ г. Бельтова, и намъ придется пополнять его самимъ, что мы сдѣлаемъ также въ концѣ статьи, послѣ разбора книги г. Струве. Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другимъ, котораго касается и г. Струве, а именно: зависитъ ли возникновеніе извѣстныхъ идей, идеаловъ (и, наоборотъ, борьбы съ ними «поборникомъ застою») исключительно отъ классовыхъ экономическихъ интересовъ? Этотъ вопросъ удобнѣе также отнести къ концу, разобравъ его въ связи съ предъидущими.

Наконецъ, есть въ книгѣ г. Бельтова одно весьма важное и существенное возраженіе, это — исторія экономическихъ идей въ Западной Европѣ: онъ доказываетъ, что идеи и чаянія нашихъ народниковъ-идеалистовъ уже давно были въ Европѣ, но не остановили тамъ шествія капитализма. На первый взглядъ, это возраженіе кажется роковымъ, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оно не выдерживаетъ критики: когда въ Западной Европѣ появились идеи, подобныя идеямъ нашихъ народниковъ-идеалистовъ, капитализмъ тамъ еще не былъ извѣстенъ *по опыту* въ своихъ послѣдствіяхъ. Наоборотъ, для насъ, русскихъ, выступающихъ на тотъ же путь лишь теперь, эти послѣдствія хорошо извѣстны. И не только извѣстны они людямъ съ широкимъ научно-экономическимъ образованіемъ, но и каждому заурядному читателю маленькой провинціальной газеты, воспроизводящей судебные отчеты или просто телеграммы о томъ, что происходило, хотя бы во Франціи, въ послѣднія десятилѣтія *).

Одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ писателей, защищая общину, сказалъ еще 30 лѣтъ тому назадъ: «Исторія, какъ бабушка, любитъ младшихъ внуковъ. *Tarde venientibus* (т.-е. позднѣе родившимся) она даетъ не *osses* (кости), а *medullam ossium* (костный мозгъ), разбивая которыя Западная Европа больно ушибала себѣ пальцы».

До какой степени капитализмъ казался въ то время благотѣльнымъ въ Западной Европѣ, видно изъ того, что даже западно-европейскіе утописты (въ 30 и 40-хъ гг.) серьезно рассчитывали на капиталистовъ, какъ, наприм., Фурье, а О. Контъ ставилъ банкировъ даже въ качествѣ заправилъ своей будущей позитивной утопіи.

И такъ, утверждать, что наши народники-идеалисты занимаются дѣломъ бесплоднымъ, потому что въ Европѣ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому на-

*) Я здѣсь имѣю въ виду не одно панамское дѣло, но и цѣлый рядъ болѣе грозныхъ событій, потрясающихъ покушеній etc. Одна желѣзно-дорожная стачка въ Америкѣ, остановившая чуть не на мѣсяцъ производство цѣлой страны, или стачка каменно-угольныхъ рабочихъ въ Германіи способны научить многому.

задѣ, подобное же направленіе ничего не могло сдѣлать,—это значить идти не методомъ науки, которая требуетъ изученія условій, при которыхъ дѣйствуетъ тотъ или другой факторъ. Такъ, наприм., можно ли утверждать, что спичка никогда не можетъ зажечь соломы на томъ основаніи, что она не зажгла мокрой соломы? Впрочемъ, это такъ элементарно, что я позволю себѣ закрыть пока книжку г. Бельтова и заняться сочиненіемъ г. Струве.

II.

Я уже сказалъ, что г. Струве гораздо догматичнѣе г. Бельтова: вся его книга, вмѣсто идей и опредѣленій самого автора, даетъ ряды выдержекъ изъ иностранныхъ писателей, преимущественно изъ Энгельса. Кромѣ того, хотя и книга г. Бельтова построена, главнымъ образомъ, на полемику съ гг. Михайловскимъ, В. В., Кривенкой, Карѣвымъ, но онъ не довольствуется этимъ, а обосновываетъ свои положенія самостоятельно; между тѣмъ, г. Струве ограничивается только полемикой съ тѣми же авторами, но полемизируетъ весьма оригинальнымъ способомъ: выписавъ какое-нибудь положеніе противниковъ, онъ тутъ же приводитъ противоположную мысль своихъ нѣмецкихъ учителей, и дѣло съ концомъ. Такой приемъ не случайность: почтенный авторъ говоритъ, что избралъ его сознательно. Выходить такъ, что истина можетъ находиться только или у г. Энгельса и К°, или у г. Михайловскаго и его сторонниковъ. Третьяго выхода нѣтъ. Это какой-то странный законъ «исключеннаго третьяго». Если доказано, что г. Михайловскій ошибается, то ужъ не нужно и доказывать, что Энгельсъ и его послѣдователи владѣютъ истиной. Я, между прочимъ, покажу дальше, что существовали и существуютъ совершенно иные взгляды, и даже на той самой подкладкѣ «экономическаго матеріализма», которой держится Энгельсъ, и эти взгляды принадлежать, между прочимъ, не какому-либо малоизвѣстному автору, а извѣстному русскому писателю, котораго самъ г. Струве называетъ «основоположникомъ» той западной группы нашихъ народниковъ, противъ которыхъ написана его книга. Но авторъ обходитъ этого писателя слѣдующимъ приемомъ: «Основоположникомъ западной группы нашихъ народниковъ,—говоритъ г. Струве,—былъ авторъ *Критики философскихъ предубѣжденій противъ общины*, но на его взглядахъ мы, по нѣкоторымъ причинамъ, не считаемъ возможнымъ останавливаться и потому переходимъ прямо къ ученію о личности, выставленному г. Миртовымъ и воспринятому г. Михайловскимъ».

Странно! Если кто-нибудь желаетъ опровергнуть извѣстную теорію, то невозможно, — безъ особо-уважительныхъ причинъ, — обходить ея *основоположеній*, а, стало быть, и *основоположника*. Тѣмъ болѣе нельзя обходить такого основоположника, который ставилъ и доказывалъ ея основоположенія иначе, чѣмъ теперешніе народники-идеалисты; это я и укажу дальше, въ видѣ, такъ сказать, «исторической справки»: изъ нея читатели

убѣдятся, что вышеупомянутый «основоположникъ» самъ стоялъ на почвѣ экономическаго и даже діалектическаго матеріализма и приходилъ къ выводу, діаметрально противоположному выводамъ теперешняго «матеріализма».

Но «что съ воза упало, то пропало». Посмотримъ же, насколько г. Струве сокрушилъ своихъ современниковъ. Изложивъ подробно взгляды гг. Миртова, Михайловскаго и В. В. на значеніе личности въ прогрессѣ, г. Струве условно соглашается съ ними: «и матеріалисты знаютъ,— говоритъ онъ,— что человѣкъ не только воспринимаетъ внѣшнія отношенія, но и реагируетъ на нихъ. Очень понятно, что капиталистическій строй вызываетъ въ эксплуатируемыхъ массахъ реакцію, выражающуюся въ построеніи коллективныхъ идеаловъ... Вотъ еслибъ указанные идеалы получили широкое распространеніе въ массѣ предпринимателей, то это было бы психологическій казусъ, который, пожалуй, заставилъ бы насъ увѣрять въ социологическій идеализмъ».

Остановимся сперва на этомъ возраженіи: развѣ «народники-идеалисты» возлагали свои надежды на такой «психологическій казусъ»? Такое вѣрованіе можно бы приписать, пожалуй, Л. Н. Толстому и его послѣдователямъ, но извѣстно, что у этого писателя нѣтъ противниковъ болѣе жестокихъ, — именно въ этомъ пунктѣ, — какъ г. Михайловскій. Надѣюсь, что такое *qui pro quo* употреблено г. Струве только въ «жару спора», т.-е. бессознательно.

Я не раздѣляю оптимистическихъ надеждъ Л. Н. Толстого на возможность обратить всѣхъ кулаковъ-Брежуновыхъ (герой его послѣдняго разсказа *Хозяинъ и работникъ*) въ людей, жертвующихъ своею шубой и даже жизнью для спасенія Никиты. Не надѣюсь я на это даже и при помощи средствъ болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ то единственное, которое употребляетъ Л. Н. Толстой, а именно запугиваніе Брежуновыхъ и «Ивановъ Ильичей» (герой другого разсказа) ужасомъ «смертнаго часа». Но я полагаю, однако, что и проводимый г. Струве, а также и г. Бельтовымъ, взглядъ, будто бы «истинное сознаніе» возможно только при фактическомъ переживаніи неудобной экономической стадіи и *только тѣми*, кто *страдаетъ отъ нея*, не выдерживаетъ напора противоположныхъ фактовъ. Я обѣщала поговорить объ этомъ по поводу г. Бельтова, что и сдѣлаю теперь. Г. Бельтовъ высказалъ это положеніе въ вышеприведенной выдержкѣ о «психологической эволюціи». Онъ говоритъ тамъ: «Одни (подъ влияніемъ данной экономической стадіи) отстаиваютъ старые порядки: это—люди застоя. Другіе, тѣ, *которымъ невыгоденъ старый порядокъ*, стоятъ за поступательное движеніе» и т. д.

Однимъ словомъ, возникновеніе идеаловъ лучшаго, по этому взгляду, оказывается возможнымъ только на почвѣ *фактической неудовлетворенности*, а потому можетъ проявиться только въ томъ классѣ, который поставленъ данною стадіей въ «невыгодныя» условія, и, притомъ, *только экономическія* (это—якорь теоріи). Г. Струве высказывается въ этомъ отношеніи еще опредѣленнѣе. «Есть люди-гении и люди толпы, массы. Только

первые суть личности, вторые же безличны (а г. Бельтовъ приписывалъ этотъ взглядъ г. Михайловскому и народникамъ-идеалистамъ). Но и первые суть только производная всѣхъ ранѣе жившихъ и современныхъ имъ личностей, т.-е. *соціальной группы*» (стр. 31). Поэтому «соціальный материализмъ просто *инорируетъ личность*, какъ соціологически-ничтожную величину».

Однако, обратимся къ фактамъ: мы видимъ, наприм., что сами авторы, т.-е. г. Бельтовъ и Струве, какъ и ихъ мнимые противники, народники-идеалисты, возникли вовсе не изъ классовъ, обездоленныхъ капитализмомъ. Обращаясь къ исторіи, мы видимъ то же самое: крупнѣйшіе поборники экономического прогресса въ пользу класса «производителей»,—какъ Люи-Бланъ, Марксъ, Лассаль,—принадлежали не къ этому классу, а жили и воспитались въ атмосферѣ и условіяхъ высшихъ классовъ. Стало быть, не экономическія условія создали ихъ «психологическую эволюцію». То же самое мы видимъ и въ исторіи освобожденія русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости: люди, стоявшіе во главѣ освободительнаго движенія,—какъ въ сферѣ власти, такъ и въ сферѣ литературы этого движенія,—которое можно считать съ Радищева и кончать Тургеневымъ, Григоровичемъ, Некрасовымъ и «основоположникомъ» современнаго «западнческаго народничества»,—были представителями или высшихъ классовъ, т.-е. дворянства и аристократіи, или выходцами изъ духовнаго сословія. И тѣмъ, и другимъ не только не была «невыгодна» стадія крѣпостного права, но, наоборотъ, ея отбѣна влекла для нихъ существенныя экономическія лишенія.

Но это не все: если бы взгляды, убѣжденія и идеалы личности опредѣлялись только тою группой, среди которой личность родилась, воспиталась и жила, то какъ же объяснить существованіе не только у насъ въ Россіи, но и за границей, въ одномъ и томъ же классѣ общества, людей съ диаметрально-противуположными воззрѣніями: съ одной стороны, напримѣръ, извѣстнаго богача Кирѣевского, отдавшаго всю свою землю крестьянамъ и впавшаго въ полную нищету, а съ другой—хотя бы князя Мещерскаго? За границей можно указать такіе же факты: напримѣръ, Рошфоръ (графъ), Сель-Симонъ (графъ) и, опять-таки, Марксъ, Лассаль, а съ другой—Нобель, Ротшильдъ, виги англійскаго парламента и т. д., и т. д.

Въ виду такихъ фактовъ, которые, по меньшей мѣрѣ, слѣдовало бы объяснить, прежде чѣмъ утверждать, что личность является лишь «производною» своей соціальной группы, я полагаю, что это положеніе авторовъ строится не научнымъ методомъ, а тѣмъ самымъ «субъективнымъ» методомъ, надъ которымъ они трунаты у г. Михайловскаго *).

* Я не могу считать серьезнымъ возраженіемъ слѣдующаго, слышаннаго мною: „Развѣ сотни юношей, окончившихъ университетъ, не идутъ на службу къ капиталу?“ Да, идутъ. Но, вѣдь, нужно объяснить не это, весьма понятное явленіе, а то, почему сотни, или хотя бы десятки, другихъ юношей стремятся работать *только для народа*, причина лежа къ другимъ общественнымъ классамъ?

Посмотримъ теперь, какъ г. Струве доказываетъ самую необходимость наступленія у насъ капиталистической стадіи. Его доказательства можно раздѣлить на двѣ группы: съ одной стороны, онъ старается доказать ее *полезность* для наступленія высшей стадіи, идеальной, которая должна послѣдовать за нею; съ другой стороны, онъ старается доказать ее *неизбѣжность во всякомъ случаѣ*, на основаніи извѣстныхъ законовъ социальнаго развитія. Въ этомъ порядкѣ я и разсмотрю его доводы.

«Исторически невозможно,—говоритъ онъ словами одного изъ своихъ учителей,— чтобы низшая ступень экономического развитія разрѣшила *тѣ задачи и конфликты*, которые возникли и могли возникнуть только на болѣе высокой стадіи развитія...» «У каждой данной экономической стадіи есть свои собственные, въ ней самой зарождающіяся, задачи, которыя она должна разрѣшить. Стремиться къ разрѣшенію задачъ иной, совершенно чуждой формации было бы абсолютною нелѣпостью».

Допустимъ, что это вполнѣ вѣрно: такъ, если вы идете по дорогѣ впереди меня и упали въ яму, то несомнѣнно для васъ возникаетъ «задача» выбраться изъ ямы и соединенные съ нею «конфликты», которые вы должны необходимо рѣшить и которыхъ для меня не существуетъ, такъ какъ я еще не упалъ въ яму. Но тутъ-то и становится особенно яснымъ, что приглашать меня упасть въ яму, чтобы разрѣшить ея конфликты и задачи, можно только въ двухъ случаяхъ: 1) или эти конфликты и задачи сами по себѣ столь важны и полезны, что, ради ихъ, стоить пожертвовать своими богами, или 2) я не могу обойти этой ямы и неизбежно долженъ попасть въ нее. Какія же задачи и конфликты разрѣшаетъ стадія капитализма? Иными словами, стоить ли ради нихъ жертвовать богами русскаго народа, т.-е. его общиной, кустарными производствами, взваливъ на него обезземеленіе, пролетаріатъ, скопленіе на фабрикахъ и въ крупныхъ городскихъ центрахъ, промышленные кризисы, періоды массовой безработицы и прочія предести теперешней европейской экономической стадіи?

Г. Струве начинаетъ словами, взятыми у Зиммеля: «Только при значительной дифференціаціи общества возможна *разносторонняя личность*, ибо хотя, при значительной специализаціи занятій, личность живетъ въ болѣе односторонней атмосферѣ, чѣмъ при слабомъ раздѣленіи труда, но это *понижающее личность* обстоятельство, главнымъ образомъ, вліяетъ на *мысленіе и волю* индивидуумовъ, тогда какъ *чувствованія возбуждаются въ сильно дифференцированной личности*, въ средѣ другихъ, также сильно дифференцированныхъ личностей, а они-то (т.-е. чувствованія) и имѣютъ особое значеніе для субъективнаго (?) сознанія» (стр. 37).

И такъ, оказывается, по г. Струве, что, напримѣръ, писецъ какой-нибудь канцеляріи, переписывающій изъ года въ годъ «отношенія» и «предписанія», или рабочій западно-европейской фабрики, вертящій десятки лѣтъ одну и ту же ручку колеса, или кочегаръ, десятки лѣтъ бросающій въ печь каменный уголь, хотя и представляютъ *пониженіе въ волю и мышленіи*, но за то въ области чувствованій окажутся болѣе высокими и разно-

ронными, чѣмъ крестьянинъ-общинникъ, переходящій отъ плуга къ топору, отъ огорода къ пчельнику, ухаживающій за своими домашними животными и птицей и, въ то же время, участвующій въ своихъ сельскихъ и волостныхъ сходахъ, въ хозяйствѣ и дѣлахъ всей общины. Но, вѣдь, это—такое невѣроятное положеніе, которое, по меньшей мѣрѣ, нельзя же считать за аксіому, не требующую доказательствъ, какъ это дѣлаетъ г. Струве! Онъ просто выписалъ «текстъ» изъ своего нѣмецкаго авторитета, какъ вѣрующій мусульманинъ приводитъ его изъ Корана, и считаетъ, что этимъ все доказано.

И мало того, что уже а priori тутъ представляется полнѣйшая невѣроятность, но даже самый скромный психологическій разборъ этого положенія даетъ выводы совершенно противоположные выводамъ автора. Какимъ образомъ личность, представляющая, по словамъ автора, «подавленное мышленіе и волю», разовьетъ высшія и разностороннія чувствованія только тѣмъ, что будетъ вертѣть одно и то же колесо или дѣлать десятки лѣтъ крохотный кусочекъ общей работы,—кусочекъ постоянно тотъ же самый? Физиологія говоритъ намъ, что у него должны мало-по-малу атрофироваться другія способности и, въ концѣ-концовъ, получится то одностороннее приспособленіе организма, какое мы видимъ въ обществахъ муравьевъ и пчелъ; при этомъ и потребности сложатся соотвѣтственно этой новой организаціи, т.-е. въ такомъ организмѣ невозможно появленіе чувствованій *цѣльной* человѣческой личности; онъ долженъ будетъ чувствовать себя вполне довольнымъ своимъ дѣломъ, такъ какъ оно вполне соотвѣтствуетъ выработавшимся особенностямъ его строенія; желаній какого-нибудь измѣненія своей работы у него даже возникнуть не можетъ, какъ у рабочей пчелы или муравья, потому что такое измѣненіе шло бы вопреки его организаціи, а чувствованія и желанія,—какъ извѣстно каждому психологу,—хотя и вызываются внѣшними условіями, но каждая организація, каждая индивидуальность реагируетъ на эти послѣднія сообразно своимъ особенностямъ. Это — азбука, аксіома.

Намъ скажутъ: «однако, западно-европейскій рабочій, дѣйствительно, чувствуетъ болѣе разнообразно, чѣмъ русскій крестьянинъ, и, какъ личность, въ смыслѣ гражданскомъ, онъ выше, потому что интересуется и политикой, и существенными интересами своего сословія, и многимъ другимъ, до чего русскому крестьянину какъ до звѣзды небесной далеко».

Но, вѣдь, надо сперва доказать, что это происходитъ именно отъ *раздѣленія труда*; надо доказать, что это повышеніе личности европейца не зависитъ отъ чего-либо другого, лежащаго совсѣмъ не въ экономической области или, по крайней мѣрѣ, не въ *раздѣленіи труда*. Доказать это необходимо, иначе мы впадемъ въ самую грубую ошибку логики, извѣстную еще древнимъ подъ формулой: *post hoc, ergo propter hoc*, т.-е. «послѣ этого значитъ—вслѣдствіе этого». Мы видѣли, что самъ г. Струве признаетъ пониженіе мышленія и воли отъ раздѣленія труда; затѣмъ, мы, надѣюсь, показали, что и его надежды на «разносторонность» чувства не

только не доказаны имъ, но прямо противорѣчатъ и физиологiи, и психологiи, и даже положительнымъ фактамъ зоологiи, въ обществахъ животныхъ. Такимъ образомъ, мы можемъ требовать отъ г. Струве доказательствъ, — хотя бы какихъ-нибудь, — его псевдо-аксіомы, а пока такихъ доказательствъ не представлено, мы утверждаемъ, что если личность западно-европейскаго рабочаго выше, чѣмъ русскаго общинника, то причины здѣсь *не могутъ никоимъ образомъ* лежать въ раздѣленіи труда. Наоборотъ, мы должны признать, что если европейскій рабочій еще не выродился и не дошелъ до того состоянія, какое мы видимъ въ обществахъ животныхъ, если онъ даже поднялся, какъ личность, выше состоянія русскаго крестьянина, то тутъ нужно искать *другихъ* причинъ, другихъ условій, которыя были у него и которыхъ не было у русскаго общинника.

Если Струве, — человекъ несомнѣнно образованный, — не замѣтилъ столь грубой логической ошибки своихъ учителей-нѣмцевъ и повторяетъ ее, то это только потому, что онъ черезъ-чуръ вѣритъ въ общее положеніе экономическаго матеріализма, состоящее въ томъ, что психологическая эволюція совершается *только экономическими условіями*. Онъ забываетъ, что если даже признать это основное положеніе, какъ *общій законъ* прогресса въ его цѣломъ, то *частныя моменты* прогресса могутъ подчиняться вовсе не самимъ экономическимъ явленіямъ, а быть результатами тѣхъ правовыхъ, юридическихъ и всякихъ другихъ «настроекъ», которыя возникли на экономической почвѣ. Такъ, напримѣръ, тайная инквизиція возникла, допустимъ, на какой-то экономической почвѣ, но затѣмъ она *сама* могла уже такъ могущественно возбуждать чувства протеста, что слѣды этого протеста остаются не только, напримѣръ, во всей дѣятельности Вольтера, въ XVIII в., но и теперь стоятъ въ формѣ пугающаго призрака для всякаго почти западно-европейца, едва только рѣчь заходитъ о клерикализмѣ.

И такъ, мы видимъ опять у г. Струве примѣненіе къ данному вопросу чисто-субъективнаго приѣма: ему *вѣрится*, что все имѣетъ экономическія причины, и онъ, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, говоритъ: стало быть, и сравнительно-высшее развитіе европейскаго рабочаго имѣетъ причины экономическія, т.-е. капитализмъ и раздѣленіе труда.

Онъ совершенно игнорируетъ научный методъ, по которому требуется узнать точно, какое изъ предшествующихъ условій, — если ихъ не одно, а два (или больше), — породило данное явленіе. Для этого естественныя науки берутъ въ лабораторіяхъ каждое изъ предшествующихъ явленій *отдѣльно* и смотрятъ, можетъ ли оно произвести данный результатъ. Въ социологiи это невозможно, но есть другой приѣмъ, а именно — *изолировать умственно* данныя условія, каждое отдѣльно, и прослѣдить, — на основаніи законовъ и фактовъ другихъ наукъ, — произведутъ ли они данный результатъ. Такъ, въ Западной Европѣ мы имѣемъ не только капитализмъ и раздѣленіе труда, но и опредѣленный юридическій строй, — свободу слова, печати, сходовъ etc. Чтобы узнать, какое изъ этихъ двухъ условій породило повышеніе личности рабочаго, надо рассмотретьъ особо и то, и дру-

гое въ ихъ *возможныхъ и необходимыхъ* послѣдствіяхъ; такъ мы и сдѣлали съ раздѣленіемъ труда, и оказалось, что оно, во-первыхъ, по самому г. Струве (вѣриѣ, по его нѣмецкому авторитету), понижаетъ мышленіе, понижаетъ волю рабочаго и, во-вторыхъ, по законамъ и фактамъ другихъ наукъ, должно сюзить и сдѣлать односторонними, апатично-вѣстическими его чувствованія. Стало быть, при вліяніи одного лишь раздѣленія труда европейскій рабочій былъ бы теперь чѣмъ-то вродѣ вьючнаго животнаго. Этого нѣтъ, — слѣдовательно, его спасло отъ этого, его подняло другое условіе.

Это можно провѣрить и еще однимъ способомъ: перенесемъ умственно крайнее раздѣленіе труда изъ европейскихъ правовыхъ условій, положимъ, въ персидскія. Мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ тамъ оно низведетъ личность до крайней степени деградации.

Но допустимъ на минуточку, что Зиммель не сдѣлалъ ошибки, вообразивъ, что крайнее раздѣленіе труда способно развить въ людяхъ «многостороннее чувство», важное для какого-то «субъективнаго сознанія». Что же можетъ сдѣлать полезнаго это чувство при «ослабленіи мышленія и воли»? Каждое дѣйствіе, чтобы стать цѣлесообразнымъ, разумнымъ, требуетъ разсчета, плана, т.-е. мышленія. Каждый разсчетъ или планъ, чтобы его привести въ исполненіе, требуетъ воли. Стало быть, чувство безъ воли и мышленія способно только къ нецѣлесообразному, слѣпому и нестойкому протесту, который, напримѣръ, можетъ выразиться тѣмъ, что человѣкъ пойдетъ въ кабакъ, набуянитъ въ трактирѣ, сломастъ ни въ чемъ неповинную машину и т. п. Вотъ крайній предѣлъ «благодѣтельнаго» воздѣйствія раздѣленія труда, если даже согласиться съ г. Зиммелемъ. Едва ли оно согласуется со взглядами г. Бельтова, видящаго, какъ мы показали выше, основной пунктъ спасенія въ развитіи знанія и сознанія.

Но г. Струве, исходя все изъ того же экономическаго матеріализма, можетъ сказать мнѣ: «Допустимъ, что вы правы, что результатъ произошелъ въ данномъ случаѣ на почвѣ правовой, а не экономической, но, вѣдь, вы сами признали, что эта правовая почва явилась надстройкой надъ экономическимъ процессомъ, т.-е. надъ капитализмомъ. Стало быть, капитализмъ все же, въ концѣ-концовъ, породилъ данный результатъ, хотя и не прямо, а черезъ посредство созданныхъ имъ юридическихъ формъ. Иного происхожденія онѣ имѣть не могли, согласно нашей теоріи экономическаго матеріализма».

Но я лишь условно согласился раньше съ положеніемъ экономическаго матеріализма. На самомъ дѣлѣ, я считаю это положеніе пока не доказаннымъ и являющимся простою дедукціей изъ гипотезы. Но даже допустивъ, что въ общемъ гипотеза вѣрна, т.-е. что все зиждется на экономическомъ процессѣ, надо черезъ-чуръ сюзить пониманіе самой этой гипотезы, чтобы видѣть, наприм., въ юридическихъ учрежденіяхъ Запада только продуктъ «капитализма». Мы знаемъ, что въ древней Греціи и Римѣ были однородныя правовыя формы, — что тамъ была и свобода слова, свобода преподаванія, такъ что философы поучали на улицахъ и площа-

дяхъ, хотя о капитализмѣ никому и въ голову не приходило. Если бы кто-нибудь и когда-нибудь доказалъ современемъ, что и въ античномъ мѣрѣ эти учрежденія возникли на экономической почвѣ, то этою почвой были, значить, не «капитализмъ», а какія-либо другія экономическія условія. Стало быть, почему же въ Европѣ нужно приписывать извѣстныя правовыя формы капитализму—и только капитализму? Если какое-нибудь явленіе совершается послѣ другого или одновременно съ другимъ, то это не значить, что это предшествующее или сопутствующее явленіе есть его причина. Это—снова *post hoc, ergo propter hoc*.

Мало этого, исторія правовыхъ формъ Западной Европы доказываетъ несомнѣнно, что онѣ не только не были *продуктомъ* капитализма, а, наоборотъ, *предшествовали* ему. Такъ, знаменитый «*Habeas corpus*» возникъ изъ существовавшаго въ Англіи обычнаго права, имѣвшаго мѣсто еще задолго до 1628 г., когда онъ является въ формѣ «петиціи правъ». Состояло это обычное право въ томъ, что каждый арестованный могъ обратиться въ «*Court of king bench*» (преобразованный теперь въ отдѣленіе верховнаго вестминстерскаго суда) и требовать вызова своего въ судъ для проверки мотивовъ ареста. Съ 1679 г., когда это право было оформлено статутомъ парламента (именуемымъ въ просторѣчій актѣ «*Habeas corpus*»), въ немъ не произошло почти никакихъ существенныхъ перемѣнъ, если не считать нѣкотораго расширенія его въ 1866 г. при королевѣ Викторіи (на колоніи) и ранѣе при Георгѣ III. Декларация правъ въ Англіи (*Bill and declaration of rights and liberties of subject*) относится къ 1689 г., а во Франціи къ 1787 г., послѣ чего во Франціи она уже не возникаетъ вновь. Предварительная цензура была уничтожена въ Англіи еще въ 1659 году, въ Швеціи въ 1766 г., во Франціи въ 1789 г., причемъ въ этой послѣдней восстановлена снова и отмѣнена въ 1830 г., но за то Наполеонъ III далъ весьма стѣснительный законъ о печати. Позднѣе всѣхъ предварительная цензура была отмѣнена въ Германіи, а именно въ 1848 г., т.-е., во всякомъ случаѣ, задолго до разцвѣта тамъ капитализма. Этими справками я вовсе не предрѣшаю вопроса о томъ, не возникли ли всѣ эти «права» на какой-либо экономической почвѣ. Но они, очевидно, возникли не на почвѣ капитализма, что мнѣ только и нужно было доказать.

До сихъ поръ мы не могли открыть въ капиталистической стадіи никакихъ «задачъ и конфликтовъ», которые могли бы сами по себѣ быть цѣнны и важны настолько, чтобы ради нихъ можно было пожелать наступленія этой стадіи у насъ. Нѣтъ ли еще какихъ-либо задачъ и конфликтовъ?

Обращаясь къ основоположнику діалектическаго матеріализма, самому Марксу, у него мы находимъ, дѣйствительно, цѣнную задачу, возникающую и разрѣшаемую на почвѣ капитализма, а именно «обобществленіе» рабочаго класса, т.-е. сознаніе имъ единства интересовъ своего класса, какъ цѣлаго, а также привычку къ общему дѣйствию, организаци и единству.

Но, во-первыхъ, еще вопросъ, насколько обобществленіе могло бы возникнуть на современной экономической почвѣ Западной Европы, если бы не существовало тамъ и соответствующей юридической почвы, дающей возможность сойтись, столкнуться о своихъ нуждахъ и т. д. Въ виду того, что разѣе намѣчено мною и самимъ Зиммелемъ относительно упадка мышленія и воли при сильномъ раздѣленіи труда, мы должны и здѣсь если не весь результатъ, то значительную часть его отнести къ юридической почвѣ. Для этого стѣитъ только снова продѣлать опытъ изоляціи раздѣленія труда отъ правовыхъ формъ и перенести его, положимъ, въ Персію; тамъ результаты могутъ и должны быть совсѣмъ иные: малѣйшее появленіе вмѣстѣ двухъ-трехъ человѣкъ, ничтожный разговоръ между ними и т. п. могутъ караться тамъ такими штрафами и даже наказаніями, что произойдетъ не «обобществленіе», а полнѣйшее разобщеніе и разъединеніе.

Если я не ошибаюсь, самъ Марксъ признавалъ, что нашъ сельскій «міръ» является, какъ и связанная съ нимъ «община», не менѣе сильнымъ основаніемъ «обобществленія», чѣмъ работа на фабрикѣ. Я же думаю, даже гораздо большимъ основаніемъ. Это намъ выяснится сейчасъ.

Въ книгѣ г. Струве, какъ и слѣдовало ожидать, наша община и кустарные промыслы выставляются какъ препятствіе русскому прогрессу: вѣдь, они задерживаютъ наступленіе капиталистической стадіи, а, стало быть, и тѣхъ благъ, которыя вослѣдуютъ только послѣ нея. Мы теперь видѣли, какъ проблематичны, — говоря мягко, — эти розовыя надежды на капиталистическую стадію, *взятую сама по себѣ*; мы видѣли, что всѣ эти надежды построены на ошибочномъ методѣ *post hoc, ergo propter hoc*, и на игнорированіи фактовъ, которое зависѣло отъ чисто-субъективнаго пріема мысли, отъ увлеченія предвзятою гипотезой.

Посмотримъ теперь, не тѣ же ли самыя ошибки логики создали нападѣніе г. Струве на нашу общину и кустарные промыслы? Тогда въ книгѣ г. Струве окажется, дѣйствительно, одно важное качество — «единство метода», но за то качество весьма для него неутѣшительное.

Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ защитниковъ общины противъ «метафизическихъ предубѣжденій», именно тотъ самый, котораго г. Струве счелъ возможнымъ не разбирать, писалъ слѣдующее:

«Нравственное и гражданское развитіе личности невозможно безъ нѣкоторой экономической самостоятельности *). Только она заставляетъ человѣка уважать себя, свои потребности. У человѣка же лишеннаго ея (таковъ западно-европейскій рабочій) чувство личнаго достоинства (*конечно, при остальныхъ равныхъ условіяхъ*) должно весьма понижаться».

Далѣе авторъ доказываетъ, что *только* общинное владѣніе даетъ «про-

*) Обращаемъ вниманіе читателя, что это — точка зрѣнія самого «экономическаго материализма»: мораль ставится тутъ въ зависимость отъ экономическихъ условий. Какой противоположный выводъ получается сравнительно съ выводами г. Струве, видите далѣе.

изводителю» эту экономическую самостоятельность: «общинное владѣніе землей,—говоритъ онъ,—является наиболѣе безопасною (наприм., отъ юридическаго спора о наслѣдствѣ, о правѣ собственности, а также отъ личнаго разоренія и т. п.) формой владѣнія».

Доказавъ это положеніе, авторъ добавляетъ: «Неужели надобно говорить, каковы необходимы послѣдствія для самостоятельности частной жизни отъ совершенной безопасности имущества? Неужели надобно доказывать, что безпорность права частнаго лица служить первѣйшею преградой постороннему вмѣшательству въ его жизнь? Надобно ли говорить послѣ этого о томъ, обманъ или прямотушіе, *гражданскіе пороки или хорошія качества гражданина* развиваются общиннымъ владѣніемъ? Сутиажничество невозможно; права не могутъ быть потеряны: благоприятствуетъ ли это *независимости характера*, развитію увѣренности въ томъ, что можно обходиться безъ чужой протекціи, развитію привычки къ энергической инициативѣ? При общинномъ землевладѣніи *устройство самой важной части экономическаго быта каждаго частнаго лица прямымъ образомъ связано съ его участіемъ въ дѣлахъ общества*; рѣшенія общества зависятъ отъ его участія. Не участвовать въ его дѣлахъ со всею возможною для его личности энергіей нельзя ему потому, что съ нимъ связанъ очень важный личный вопросъ».

Люди наивнаго, не научнаго пріема мысли скажутъ мнѣ: «однако, община не оправдала этихъ ожиданій; въ ея средѣ образовалось кулачество, раздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ, принизившее личность однихъ и поднявшее престижъ другихъ. Каждый волостной писарь теперь выше сельскаго міра» etc., etc.

Тутъ снова мы видимъ тотъ же пріемъ мысли: есть община, а вышло плохо; стало быть, то, что плохо, создала община: *post hoc, ergo propter hoc*.

Наоборотъ, авторъ, изъ котораго я сдѣлалъ выдержку, шелъ строго научнымъ путемъ: онъ изолировалъ общину отъ другихъ условій, добавивъ въ скобкахъ: «при остальныхъ равныхъ условіяхъ». Только этимъ путемъ мы можемъ точно опредѣлить, что дается самою общиной для личности крестьянина и что—другими условіями, сопутствующими ей. Оказывается выводъ совершенно противоположный выводу г. Струве: сама община должна создавать «независимость характера, хорошія качества гражданина, горячій интересъ къ общественному дѣлу» и т. д.

Стало быть, если мы находимъ все это въ минимальной степени у русскаго крестьянина, сравнительно съ европейскимъ рабочимъ, то тутъ надо искать другихъ причинъ, и тогда окажется поразительный фактъ: напимѣръ, возьмемъ хотя бы розги, еще царящія въ деревнѣ. Все то самоуваженіе, какое можетъ развить въ общинѣ личность крестьянина, розга сводитъ къ невозможному минимуму. Возьмемъ отсутствіе шееголь или ихъ крайне-низкое состояніе: все, что вложить въ характеръ крестьянина лучшаго и высокаго община, то парализируется или совершеннымъ первобытнымъ невѣжествомъ, доходящимъ до человѣческихъ жертвоприно-

шеній, или крайне-низкимъ уровнемъ знаній и развитія умственнаго, не идущихъ далѣе простой грамоты и четырехъ дѣйствій ариметики. Интересъ къ своимъ мірскимъ дѣламъ парализуется внимательствомъ каждаго невѣжественнаго писаря и т. д. Вотъ что находимъ мы даже въ *Дневникѣ* князя Мещерскаго, который, конечно, не можетъ быть заподозрѣнъ въ благорасположеніи къ крестьянству. Онъ передаетъ свой разговоръ съ однимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, причемъ этотъ послѣдній выражается такъ рѣзко, что мы не рѣшаемся привести цѣликомъ всего рассказаннаго имъ, а возьмемъ двѣ-три фразы: «У нихъ (т.-е. у крестьянъ) есть индивидуальность, есть общественность, но и то, и другое земскій начальникъ порабощаетъ... Крестьянину онъ приказываетъ, какъ въ помѣщичьи времена бурмистръ; общественные сходы должны разсуждать такъ, какъ этого хочетъ земскій начальникъ, какъ онъ приказываетъ».

Отсюда оказывается, что не община виновата въ паденіи личности, а, наоборотъ, если бы не было общины, то въ крестьянахъ едва ли теперь сохранился бы даже тотъ образъ Божій и человѣческій, который и до сихъ поръ живетъ въ нихъ.

Но совершенно то же, что сказано относительно общины, цѣликомъ переносится и на кустарные промыслы.

Отсюда ясно, что г. Струве перепуталъ причины: въ Европѣ онъ считаетъ причиной высоты личности причину экономическую, раздѣленіе труда, тогда какъ тамъ, наоборотъ, эта причина давно бы убила личность, если бы не юридическія условія, дававшія ей развитіе. У насъ причиной паденія личности онъ считаетъ общину и кустарные промыслы, тогда какъ безъ нихъ личность была бы абсолютно стерта, какъ и ея общественность, и если что до сихъ поръ сохраняло и личность, и общественность, такъ это именно община, міръ.

Причины тутъ любопытно перекрещиваются взаимно у насъ и въ Европѣ, и въ обоихъ случаяхъ г. Струве не видитъ слона, потому что самымъ узкимъ образомъ примѣняетъ къ дѣлу теорію экономического матеріализма, дѣлаетъ выводъ по логикѣ *post hoc, ergo propter hoc* и, въ своемъ увлеченіи вѣрой въ предвзятую гипотезу, не замѣчаетъ фактовъ, не хочетъ вдуматься въ дѣло научнымъ пріемомъ мысли и ограничивается ультра-субъективнымъ методомъ.

Теперь читатели могли видѣть наглядно, какія «блага» мы теряемъ, не торопясь содѣйствовать наступленію капиталистической стадіи, раздѣленію труда, обезземеленію, пролетаріату и полному разрушенію общины, и какой вредъ наносимъ русскому прогрессу, заботясь о сохраненіи общины, кустарныхъ и кустарныхъ артеляхъ. Надо стоять вдали отъ народной жизни, чтобы предлагать это. Дальше я приведу и еще нѣкоторыя, не менѣе важныя соображенія.

И такъ, отъ насъ требуютъ, чтобы мы отдали все, чѣмъ еще держится личность, гражданственность и общественность крестьянина, и поторопились

все это замѣнить «наибольшимъ раздѣленіемъ труда», которое, по словамъ самихъ совѣтниковъ, еще болѣе понизитъ мышленіе и волю, но за то дастъ развитіе чувствованій, важныхъ для субъективнаго сознанія. И, замѣтите, это предлагаютъ сдѣлать, оставляя прочія условія *in status quo*. Я увѣренъ, что г. Бельтовъ, при его, очевидно, глубокомъ и серьезномъ отношеніи къ вопросу, не оставитъ этихъ соображеній безъ того вниманія, какого они заслуживаютъ.

Л. Е. Оболенскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Russkaja mysl'

РУССКАЯ

16:9-10
1895

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,

Пименовская ул., собств. домъ.

1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. НА СЪВЕРЬ ДИКОМЪ... (Разказъ).—К. С. Баранцевича . . .	1
II. ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗИЯ. (Повѣсть). <i>Окончаніе</i> .—Вл. И. Немировича-Данченко	25
III. МАРЧЕЛЛА. Романъ мистрисъ Уордъ. Переводъ съ англійскаго А. С. М. <i>Продолженіе</i>	84
IV. ОШИБКА. (Эпизодъ).— М. Горькаго.	119
V. БАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ времянь Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	145
VI. НОВЫЙ РАСКОЛЬ ВЪ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. <i>Окончаніе</i> . — Л. Е. Оболенскаго.	1
VII. АКЦИОНЕРНОЕ ОТЪ ОГНЯ СТРАХОВАНІЕ. — П. А. Серебрякова	14
VIII. РОССИЯ И ДАНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ I. (По документамъ датскаго архива). <i>Окончаніе</i> .—А. Г. Бриннера. . .	24
IX. АНГЛІЙСКАЯ ПУГАЧЕВЩИНА. <i>Продолженіе</i> . — М. М. Ковалевскаго	34
X. ГАМЛЕТЪ. Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго В. М. С. <i>Окончаніе</i>	66
XI. ВОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВО ВЪ РОССИИ. <i>Окончаніе</i> . — И. Н. Миклашевскаго.	90
XII. ФАКТОРЫ МИРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — Гр. Л. А. Намаровскаго.	107

Новый расколъ въ нашей интеллигенціи *).

(Н. Бельтовъ: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“.—П. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“).

III.

Теперь намъ могутъ сдѣлать послѣднее возраженіе, намѣченное нами мимоходомъ еще при разборѣ книги г. Бельтова: «Допустимъ,—скажутъ намъ,— что вы правы, что въ этой части своихъ положеній г. Струве хватилъ черезъ край, пріявъ въ восторгъ отъ раздѣленія труда и въ пессимистическое уныніе отъ русской общины, чего не замѣчается въ такой степени у г. Бельтова. Но другая часть обѣихъ книгъ, гдѣ и тотъ, и другой авторы доказываютъ неизбѣжность для насъ капиталистической стадіи, — что вы можете возразить противъ этой части? А если эта часть справедлива, то и ваша предъидущая аргументація падаетъ. Какъ ни велико несчастіе, которымъ грозитъ намъ грядущая стадія, но оно неизбѣжно, и остается только одно: приготовиться встрѣтить его не врасплохъ». Таково возможное возраженіе.

Однако, посмотримъ сперва, чѣмъ же доказывается неизбѣжность наступленія этой стадіи. Выше я показалъ, что г. Бельтовъ самъ находитъ, въ видѣ за Марксомъ, что было бы возможно избѣгнуть этой стадіи еще въ 1877 г. Далѣе, я показалъ, что не доказано имъ, почему теперь моментъ уже пропущенъ, такъ какъ вообще такого момента не опредѣлено. Самое существенное положеніе г. Бельтова есть то, что онъ не видитъ *фактической* силы, которая могла бы удержать шестіе капитализма. Стало быть, если бы были признаки такой силы, онъ взялъ бы назадъ свой примѣръ о «загорѣвшейся спичкѣ», которая должна догорѣть до конца... если никто не потушитъ ее, добавимъ мы отъ себя.

Съ такою постановкой вопроса нельзя не согласиться, хотя окончательный выводъ изъ нея нельзя считать рѣшеніемъ *безусловнымъ*, т.-е. если бы

* Русская Мысль, кн. VIII.

въ жизни оказались или возникли вновь такія силы, которыя самъ г. Бельтовъ считаетъ необходимыми (а такую силой онъ считаетъ самъ сознание и знаніе), тогда, по его же словамъ, человѣческій разумъ побѣдилъ бы необходимость, т.-е. она перестала бы быть необходимостью. Къ этому я вполне присоединяюсь.

Не такъ смотритъ г. Струве: онъ крѣпко держится за идеалистическій или діалектическій законъ развитія. Разсмотримъ же ближе этотъ законъ. По діалектическому методу Гегеля и Шеллинга, каждое явленіе переживаетъ три стадіи: первая, называемая тезисомъ, будетъ, наприм., наша община, кустари,—однимъ словомъ, непосредственное, народное производство. Вторую стадіей всегда является противоположность первой, называемая поэтому *антитезисомъ*, т.-е., наприм., капиталистическое товарное хозяйство. Третья стадія есть нѣчто вродѣ примиренія тезиса и антитезиса, поэтому она называется *синтезисомъ*: въ ней форма возвращается первоначальная, т.-е., напримѣръ, община, но содержаніе ея болѣе богато, и богато именно всѣми пріобрѣтеніями второй стадіи, т.-е. община и кустарная артель должны явиться въ третьей стадіи, вооруженныя всѣмъ тѣмъ могуществомъ, какое дала промышленности и земледѣлію капиталистическая стадія, а также и другими цѣнными пріобрѣтеніями этой стадіи.

Но по этой же «тріадѣ» слѣдуетъ, что попасть въ третью стадію изъ первой никоимъ образомъ нельзя, не переживъ второй стадіи.

Таково приблизительно главное основаніе экономическаго діалектизма. Разсмотримъ его.

Тотъ писатель, котораго г. Струве считалъ возможнымъ «по нѣкоторымъ» причинамъ оставить безъ опроверженія, уже 30 лѣтъ тому назадъ показавъ, что даже принявъ эту тріаду, какъ всеобщій законъ, можно именно на основаніи ея доказать совершенно противоположное тому, что теперь доказываетъ г. Струве.

Пояснимъ въ нѣсколькихъ словахъ эту возможность.

Мы уже упомянули блестящее сравненіе, состоящее въ томъ, что «исторія», какъ бабушка, любитъ родившихся поздно: она даетъ имъ готовый костный мозгъ, тогда какъ родившимся ранѣе приходилось разбивать восты, чтобы добыть его, причемъ, напримѣръ, Европа больно ушибала себя пальцы. Намъ не нужно ихъ ушибать, потому что примѣръ Европы, ея исторія за послѣдніе годы открыла намъ сущность капитализма (антитезиса). Намъ достаточно пережить этотъ урокъ теоретически, научно.

Но существуютъ ли въ природѣ такіе факты, которые подтверждали бы возможность такого теоретическаго переживанія антитезиса, вмѣсто фактическаго? Такихъ примѣровъ не оберешься.

Возьмемъ сперва примѣры изъ области мертвой природы, гдѣ всѣ законы считаются особенно неизбѣжными и неизмѣнными. Чтобы совершилось, наприм., естественное сгораніе дерева, т.-е. его постепенное окисленіе, необходимы столѣтія. Чтобы оно само загорѣлось въ обыденномъ смыслѣ, т.-е. съ пламенемъ и теплотой, нужно также не мало времени и особо благо-

приятныхъ условій для самовозгоранія. Но вотъ мы имѣемъ щепку, загорѣвшуюся отъ тренія или отъ молніи, подносимъ ее къ дереву, и дерево почти моментально загорается. Почему? Тутъ существуетъ законъ природы, по которому процессъ, достигшій высшей степени развитія въ одномъ предметѣ (въ щепѣ—гореніе), будучи приведенъ въ соприкосновеніе съ другимъ предметомъ, безконечно ускоряетъ процессъ въ этомъ послѣднемъ. Обыкновенному человѣку, не химикъ, можетъ даже казаться, что дерево сразу загорѣлось отъ щепки, не пройдя процесса первичнаго, невидимаго окисленія. Но химики знаютъ, что и тутъ сперва былъ процессъ невидимаго окисленія, но онъ былъ почти мгновененъ. Такихъ фактовъ, подтверждающихъ законъ, упомянутый выше, можно привести изъ области всѣхъ наукъ безчисленное количество, но перейдемъ прямо къ общественнымъ явленіямъ.

Изобрѣтеніе современнаго оружія европейцевъ, развитіе правовыхъ формъ къ государственной жизни, развитіе книгопечатанія, науки, высшихъ учебныхъ заведеній, т.-е. университетовъ, и т. п. потребовало столѣтій, но достаточно, чтобы нѣсколько европейцевъ появилось, напримѣръ, среди японцевъ, или японцы узнали порядки Европы, или группа русскихъ выдающихся людей при Петрѣ I ознакомилась съ нѣкоторыми сторонами европейской жизни, достаточно соприкосновенія европейцевъ даже съ дикарями, чтобъ и у нихъ начали заводиться школы, европейское оружіе, европейское просвѣщеніе и даже европейскія учрежденія. Имъ не нужно для этого переживать всего европейскаго процесса развитія или эволюціи *de facto*; имъ достаточно *узнать его теоретически* или наглядно понять его, понять его пользу и значеніе.

Такимъ же образомъ переживать стадію антитезисовъ, наприм., капитализаціи кустарныхъ промысловъ и земельной общины, *необходимо только тѣмъ народамъ, которые не могли инымъ путемъ узнать ихъ опасностей или неудобствъ*. Для выступающихъ позднеѣ фактическое переживание замѣняется теоретическимъ или идеальнымъ переживаніемъ. *Антитезисъ можетъ быть пережитъ идеально*. Возьмемъ еще примѣръ: первобытный человѣкъ, отыскивая себѣ пищу, натолкнулся на ядовитые грибы и ягоды; не зная ихъ свойства, онъ отравился, но окружающимъ не нужно отравляться самимъ, чтобы узнать это дѣйствіе. Они эту стадію переживаютъ идеально, теоретически. Законъ природы отъ этого нисколько не нарушается. Человѣкъ руководится не однимъ непосредственнымъ опытомъ *пережитаго лично*, а и знаніемъ, чужимъ опытомъ. Даже животное нуждается въ личномъ опытѣ опасности: если на его глазахъ пострадало другое отъ извѣстнаго предмета, оно избѣгаетъ этого предмета. Было бы странно, еслибъ этотъ законъ мысли, замѣняющій непосредственный опытъ чужимъ опытомъ, былъ обязателенъ только для животныхъ и лишь одинъ человѣкъ составлялъ бы необъяснимое исключеніе, только онъ совсѣмъ не пользовался бы своею мыслью и выводами изъ чужого опыта. *И очевидность, и факты исторіи убѣждаютъ въ совершенной возможности обходиться извѣстными стадіи идеально и теоретически, если, однако, есть*

возможность узнать опыт, продланный другими. Без этого условия, стадія, какъ бы она ни была нежелательна, должна быть пройдена, какъ это случилось въ Западной Европѣ относительно капитализма. Тамъ онъ неизбежно долженъ былъ развиться до своихъ послѣднихъ результатовъ, потому что у Западной Европы не было опыта другихъ странъ, а, въ силу этого, не могло быть и теоретическаго переживанія. Вотъ почему и наша интеллигенція пришла къ извѣстному сознанию.

IV.

Вотъ основное положеніе, въ которому я прихожу внимательнымъ и вполне объективнымъ разборомъ взглядовъ гг. Бельтова и Струве, сопоставляя ихъ съ фактами.

Разсмотримъ теперь, чѣмъ же именно отличается моя точка зрѣнія какъ отъ взглядовъ почтенныхъ авторовъ, такъ и отъ воззрѣній народниковъ-идеалистовъ.

Сперва посмотримъ на различіе теоретическое, а затѣмъ и на практическое.

Мнѣ придется говорить теперь не о различіяхъ или сходствахъ моихъ взглядовъ со взглядами г. Струве, такъ какъ онъ своихъ собственныхъ взглядовъ нигдѣ ясно не формулировалъ, а собралъ лишь выдержки изъ нѣмецкихъ авторитетовъ. Мои несогласія съ этими авторитетами я развилъ выше.

Иное дѣло—г. Бельтовъ. Его взгляды опредѣлены точно, а потому границу, разделяющую мои и его воззрѣнія, провести не трудно.

Однимъ изъ самыхъ существенныхъ положеній въ книгѣ г. Бельтова является по-моему слѣдующее, въ которому я не могу присоединиться: такъ какъ онъ убѣжденъ, что сознание и знаніе (или психологическая эволюція) могутъ явиться для массъ только путемъ фактическаго переживанія капиталистической стадіи, то естественно и логически онъ не можетъ не придти къ выводу, что это сознание и знаніе могутъ созрѣть *только въ пролетаріатѣ*, т.-е. людяхъ уже обезземеленныхъ, оторванныхъ отъ земли фабрикой, иначе сказать — фабричныхъ рабочихъ въ западно-европейскомъ смыслѣ. Безъ этого условия онъ не находитъ возможнымъ *созрѣваніе* главнаго условия дальнѣйшаго процесса, а именно «классоваго» *сознанія* себя народомъ (рабочимъ классомъ), какъ класса обособленнаго отъ буржуазіи и даже противоположнаго ей. Безъ этого сознанія онъ находитъ невозможнымъ не только экономическій процессъ, но и *никакой другой*, ибо нѣтъ прогресса *одной интеллигенціи*, т.-е. оторванной отъ народа: такой прогрессъ есть мечта, призракъ, самообольщеніе. Отсюда — отрицаніе общины, кустарныхъ артелей и проч.

Тутъ много вѣрнаго, но тутъ есть одна ошибка, и, однако, ошибка основная: г. Бельтовъ смотритъ на русскую жизнь такъ, какъ будто пишеть о западно-европейскомъ положеніи дѣлъ, то-есть видитъ передъ собою

Россію уже въ тотъ моментъ, какого достигъ вопросъ въ Западной Европѣ теперь. А тамъ стадія капитализма близится уже къ концу, тогда какъ у насъ она хотя и началась уже давно, — болѣе тридцати лѣтъ назадъ, — однако, благодаря сопротивленію, оказанному и общиной, и кустарными промыслами, и частичными мѣропріятіями власти (наприм., неотчуждаемостью надѣловъ), находится все еще въ началѣ своего развитія. Процессъ капитализаціи идетъ у насъ съ тою медленностью, какая была немислима въ Европѣ, такъ какъ она не знала такого, наприм., событія, какъ освобожденіе крестьянъ съ землею, да еще съ землею, отданною не въ личную собственность, а въ общинную, при которой ея капитализація можетъ задержаться на цѣлыя столѣтія.

Я вижу, что сами экономическіе материалисты сознаютъ это: они видятъ, что задержка шествию капитализма въ Россіи крайне сильна; иначе нельзя объяснить ихъ полемическаго раздраженія противъ народниковъ-идеалистовъ. Это раздраженіе несомнѣнно зависитъ отъ того, что они приписываютъ идеямъ и идеаламъ этихъ мыслителей задерживающее вліяніе на русскій экономическій процессъ. Едва ли, однако, они могутъ имѣть такое вліяніе сами по себѣ. Тутъ г. Бельтовъ впадаетъ даже въ противорѣчіе съ самимъ собою: съ одной стороны, онъ отрицаетъ всякое значеніе за ихъ идеями и идеалами, называетъ ихъ «свѣтильниками, поставленными въ кабинетѣ», а съ другой — сама его полемика съ ними, страстная и не всегда безпристрастная, доказываетъ иное.

Я думаю, что народники-идеалисты ошибаются именно въ томъ, въ чемъ ихъ всего меньше упрекаетъ г. Бельтовъ; видя, какъ медленно развивается капитализмъ въ Россіи, они приходятъ къ крайности, противоположной той, въ какую впадаетъ г. Бельтовъ: они думаютъ, что русская экономическая жизнь не только сопротивляется капитализаціи, но ведетъ съ нею и прямую, *созидающую борьбу* изъ нѣдръ народа, т.-е. *развиваетъ* свои исконныя начала, а потому можетъ даже *восторжествовать надъ капитализмомъ, помимо чьихъ-либо усилій*. Такова оптимистическая сущность нѣкоторыхъ работъ гг. В. В., Николая-она и другихъ, явно сквозящая въ нихъ.

Съ этою идеей народниковъ-идеалистовъ согласиться невозможно въ виду фактовъ статистики, если эти факты разобрать безъ предубѣжденія. Я не буду здѣсь подробно приводить ихъ, такъ какъ это до крайности увеличило бы размѣръ статьи; скажу только, что такая работа сдѣлана и продолжаетъ дѣлаться лицами, отчасти стоящими въ сторонѣ отъ спорящихъ группъ, отчасти принадлежащихъ къ группѣ, мыслящей болѣе или менѣе одинаково съ г. Бельтовымъ. Результаты этихъ статистическихъ изслѣдованій, какъ относительно общины, такъ и кустарей, одинаково противорѣчатъ розовымъ надеждамъ народниковъ-идеалистовъ. Оказывается, что внутри самой общины уже совершается и отчасти уже совершилось капиталистическое разложеніе *). Ошибка народниковъ-идеалистовъ въ томъ,

*) Возьму лишь нѣсколько примѣровъ: такъ, если матеріалъ, собранный статистиками о крестьянскихъ бюджетахъ, расположить на группы, не оперируя надъ сред-

что они, говоря словами г. Николая-она, вѣрятъ, будто бы въ Россіи «капитализмъ самъ же ставитъ предѣлы своему развитію» (*Русское Богатство*, № 6). Я не буду здѣсь входить въ мотивы такой «вѣры», наприм., въ вычисленіе возрастанія % народонаселенія рабочихъ сравнительно съ общимъ возрастаніемъ населенія, которымъ утѣшаетъ насъ г. Николай-онъ, утверждая, что процентъ возрастанія рабочихъ въ Россіи ниже общаго возрастанія населенія, и т. д., и т. д. Разборъ этихъ доводовъ привелъ бы къ необходимости особаго трактата, который пока даже и написанъ быть не можетъ, ибо нѣтъ вѣрныхъ статистическихъ данныхъ. Да и вычисленія г. Николая-она, если ихъ признать правильными, не доказываютъ того, что хотять доказать: важно не то, насколько растетъ наше населеніе рабочихъ, важно и не то, что въ Америкѣ оно даетъ 56%, а въ Россіи только 20%. Вѣдь, во-первыхъ, это только *фабричныя* рабочіе, а мы видѣли, что въ средѣ самой общины уже существуетъ чуть ли не больше 50% рабочихъ (см. предыдущее примѣчаніе); кустари даютъ еще большій процентъ рабочихъ несамостоятельныхъ. Во-вторыхъ, если даже смотрѣть на эти факты въ самыя розовыя очки, то и въ такомъ случаѣ приходимъ только къ тому, что Россія представляетъ извѣстное *сопротивленіе* быст-

ними цифрами, которыя затемняютъ реальныя различія состоятельности крестьянъ, получимъ, наприм., для Острогжскаго у., Ворон. губ., по изслѣдованіямъ г. Щербини, такія цифры: изъ 24 изслѣдованныхъ бюджетовъ. 1) 6 важноточныхъ крестьянъ, съ расходомъ на каждое хозяйство въ 855 р. 86 коп. 2) 11 среднесостоятельныхъ, съ расходомъ въ 471 р. 61 к. и, наконецъ, 3) 7 бѣдныхъ, съ среднимъ расходомъ въ 223 р., причемъ среди нихъ есть и такіе, у которыхъ годовой расходъ только 87 р. 7 к., т.-е. въ десять разъ меньше, чѣмъ у богатыхъ однообщинниковъ. Если сравнить расходъ съ приходомъ, то картина окажется еще поразительнѣе: приходъ первой группы 1,053 р. 2 к., стало быть, у нея остается чистаго дохода 197 р.; доходъ 2-й группы 471 р. 61 к., т.-е. чистый доходъ у нея 2 р. 19 к., т.-е. едва сводятся концы съ концами; у 3-й группы доходъ 202 р. 4 к., а расходъ, какъ мы видѣли, 223 р. 78 к., т.-е. ежегодно *недостаетъ* 21 рубля. Отсюда и еще одинъ результатъ: всѣ 6 хозяйствъ 1-й группы держатъ батраковъ (8 человекъ); это уже хозяйство капиталистическое, развившееся внутри общины,—фермерство; крестьяне второй группы должны сами заниматься „промыслами“, причемъ только двое ведутъ его самостоятельно (портняжничество и выжиганіе угольств), у остальныхъ—наемная работа: въ косаряхъ, въ пастухахъ, на заводѣ, въ мѣстной экономіи и т. д. Это уже полурбочіе. О третьей группѣ говорить даже нечего: здѣсь промыслы даютъ 24% всего дохода и состоятъ исключительно въ продажѣ своей рабочей силы. У двонжъ же батрачество даетъ $\frac{2}{3}$ всего дохода. И это—факты, конечно, не единичныя.

То же самое видимъ и относительно кустарей. Особенно интересный матеріалъ представляетъ г. Харизоменовъ въ статьѣ, напечатанной въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* 1883 г. Такъ, въ Московской губ. 86,5% годового оборота домашней системы крупнаго производства и только 13,5% мелкаго, самостоятельнаго производства; въ губерніи Владимирской 96% крупныхъ и 4% мелкихъ; Нижегород. губ. (столовые ножи) изъ 396 человекъ 16% работаютъ на базаръ, а 69%—на хозяевъ, 15% работаютъ прямо наемными рабочими; складные ножи тамъ же: 45%—на базаръ, 42%—на хозяевъ, 10%—наемными рабочими. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ промыслы металлическ. кожевенныя, шорныя, ваяльбыя, пенькопрядильныя даютъ 36,6% на базаръ, 66,7% на хозяевъ, 17,7% наемными рабочими и т. д.

ростъ наступленія капиталистической стадіи, а не то, что «самъ капитализмъ ставить себѣ препятствія». Подобный взглядъ ведетъ только къ ошибочному квіэтизму, къ надеждѣ не на дружную и совмѣстную дѣятельность всѣхъ сознательныхъ элементовъ общества, а на несуществующіе въ народѣ особые законы производства. Вотъ въ чемъ ошибка нѣкоторыхъ нашихъ народниковъ, вотъ почему они если и не складываютъ рукъ, то, во всякомъ случаѣ, не видятъ необходимости особенно торопиться, т.-е. находить возможнымъ «годить» и ограничиваться крупными крохотныхъ опытовъ.

Но не могу я согласиться и съ г. Бельтовымъ въ томъ, что единственное возможное «классовое сознание» есть сознание *пролетарія* или фабричнаго рабочаго. Столь же возможно «классовое сознание» общинника и кустаря, *если они поймутъ* значеніе общины, общинныхъ и кустарныхъ артелей, какъ единственнаго спасенія отъ капитализаціи общинной земли и кустарныхъ промысловъ. Вотъ почему я сказалъ, что г. Бельтовъ дѣлаетъ свои выводы такъ, какъ будто бы Россія уже стояла на той стадіи капиталистическаго развитія, на какой стоитъ Западная Европа. Тамъ, дѣйствительно, возможно лишь *единственное* «классовое сознание» — пролетаріата, у насъ возможно (и уже существуетъ отчасти) «классовое сознание» кустаря и общинника; хотя оно само, конечно, не подозреваетъ о столь громкомъ для себя титулѣ, но оно есть, какъ это доказывается тѣмъ самымъ фактомъ, что хотя и небольшой процентъ кустарей, но все же держится кустарнаго промысла самостоятельно, а тамъ, гдѣ потерялъ такую самостоятельность, жаждетъ освободиться отъ зависимости. Точно также и въ общинѣ, — батраки, безлошадные, уходящіе въ отхожіе промыслы и т. д. дѣлаютъ это, конечно, потому, что они бессильны конкурировать съ крупнымъ производствомъ и земледѣіемъ деревенскихъ кулаковъ. Но это не значитъ, что они не чувствуютъ своего положенія, не сознаютъ противоположности его съ тѣмъ, въ какомъ стоятъ ихъ наниматели. Поэтому я думаю, что игнорировать ихъ стремленіе къ самостоятельности, какъ ничего не значущее, невозможно.

Я знаю, что мнѣ могутъ отвѣтить на это: «Да, они ищутъ самостоятельности, но какой? Каждый изъ нихъ владѣетъ мечта — сдѣлаться *самому* маленькимъ хозяиномъ, маленькимъ буржуа. А это не есть то «сознание классовое», не есть то «обобществленіе» труда, которое даетъ настоящій, фабричный пролетаріатъ».

Но я и не полагаюсь на *одно* это стремленіе, которое по существу своему само есть узко-ищцанское и мелко-буржуазное. Я только думаю, и не безъ основаній, что это стремленіе къ самостоятельности можетъ служить почвой для *теоретическаго переживанія* стадіи капитализма, *вмѣсто фактической*. Полагаю, что это возможно именно въ силу того, что весьма не трудно каждому, сколько-нибудь ознакомленному съ законами эволюціоннаго развитія, сознать вполне отчетливо тщету своихъ надеждъ — сдѣлаться самостоятельнымъ кустаремъ или даже земледѣльцемъ (въ средѣ

хотя бы общины), разъ онъ стоитъ изолированно отъ другихъ, а не соединяется въ артель кустарную или земледѣльческую.

Поясню эту мысль: г. Бельтову извѣстно не менѣе меня, что капитализація земли, какъ и кустарныхъ промысловъ, не имѣетъ въ себѣ ничего фатальнаго. Она происходитъ отъ невозможности для мелкаго земледѣльца (хотя бы и общинника *по владѣнію*, но не *по обработкѣ земли*, какъ и есть въ нашей общинѣ), а также и для самостоятельнаго кустаря, работающаго въ одиночку, конкурировать съ болѣе производительнымъ крупнымъ земледѣлемъ или фабрикой. Эти послѣднія примѣнили разныя техническія усовершенствованія, машины, удобренія, ввели раздѣленіе труда и т. д., и т. д. Поэтому трудъ на нихъ, да, притомъ, еще трудъ наемный, т.-е. продающійся дешевле того, что онъ производитъ (ученіе о прибавочной стоимости), даетъ возможность крупному хозяйству не только производить больше (считая на каждую рабочую силу), чѣмъ производитъ, въ то же время, кустарь или отдѣльно работающій земледѣлецъ со своими первобытными приемами, но и пускать на рынокъ свой товаръ или хлѣбъ дешевле, чѣмъ могутъ его пустить эти послѣдніе.

Вотъ то, что заставляетъ кустаря бросать свой промыселъ и наниматься къ «хозяину»; это же гонитъ изъ общины и земледѣльца, если онъ не настолько разбогатѣлъ кулачествомъ, чтобы нанять работниковъ, которые, при страшно-низкой цѣнѣ на рабочія руки въ деревнѣ, готовы работать за хлѣбъ или солому, а еще чаще зарабатываютъ старые долги, съ невѣроятнымъ процентомъ и по невѣроятно дешевой цѣнѣ (см., наприм., изслѣдованіе г. Сазонова о такомъ закабаленіи). Вотъ почему у насъ и можетъ держаться хозяйство мелкихъ кулаковъ, не вводящихъ никакихъ техническихъ усовершенствованій, и, однако, не только конкурирующихъ съ крупными улучшенными хозяйствами, но и богатѣющихъ и даже скупающихъ имѣнія у «господъ», заведшихъ у себя всякія улучшенія: такой кулакъ богатѣетъ именно тѣмъ, что пользуется почти даровымъ трудомъ, чего не имѣютъ настоящіе, болѣе рационально поставленные, крупныя хозяйства, за немногими исключеніями (а именно когда такой «образцовый» хозяинъ соединяетъ въ себѣ и «наторѣлаго» кулака). Поэтому-то образцовыя хозяйства (настоящіе) и не могутъ съ нимъ конкурировать, поэтому они и лопаются, и скупаются кулаками. Здѣсь причина не въ одномъ томъ, что «господа» привыкли жить роскошнѣе и не умѣютъ хозяйничать, а еще и въ томъ, что они не умѣютъ хозяйничать «кулачески», т.-е. имѣть почти даровой трудъ, который вообще является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ элементовъ производства.

Теперь мы видѣли, отъ чего зависятъ и какъ происходитъ у насъ капитализація кустарнаго промысла и даже общинной земли. Кустарь, видя безплодность своей борьбы не съ фабрикой даже, а съ «хозяиномъ-кулакомъ», имѣющимъ нѣсколькихъ рабочихъ, или даже со скупщикомъ, или просто съ хозяиномъ, дающимъ работу, бросаетъ все и идетъ къ этому хозяину

ли на фабрику. Захудалый же общинникъ, не имѣя права продать свой надѣлъ, сдаетъ его болѣе богатому члену общины и т. д.

Теперь я спрашиваю: неужели невозможно, въ виду столь нагляднаго процесса капитализаціи, уяснить обездоленному общиннику или кустарю самую теорію или законъ этого процесса, т.-е. убѣдить его, что всѣ его мечты на самостоятельность напрасны и что для него единственное спасеніе—артель кустарей и артельное воздѣлываніе своей общинной земли, что только тогда онъ въ состояніи будетъ и ввести у себя раздѣленіе труда, увеличивающее его производительность, и завести техническія улучшенія, машины, искусственное удобреніе?

Я вижу улыбку на губахъ моихъ читателей; они думаютъ, что онъ лучше насъ знаетъ это, но знаетъ и то, что безъ капитала немислима ни такая артель, ни такое общинное хозяйство. Капиталь же находится въ рукахъ того самаго кулака, скупщика, «хозяина», который явится первымъ врагомъ такой «затѣи», будетъ бороться съ нею и рублемъ, и своими связями съ писаремъ, старшиной etc., etc. Однимъ словомъ, это—одна изъ тѣхъ «утопій», на выпучиваніе которыхъ (и довольно справедливо) г. Бельтовъ употребилъ столько остроумія въ своей книгѣ, разбирая проекты г. Южакова и другихъ.

Но я говорю объ этомъ выводѣ не какъ утопистъ, и это выяснится въ концѣ моей статьи. Я хочу только выяснитъ себѣ и другимъ *всѣ теоретически существующія возможности* для избѣжанія капитализма, а затѣмъ предоставляю судить самому читателю, а также и всѣмъ тѣмъ, кто могъ бы *практически* сдѣлать эти возможности не мечтами, — въ томъ числѣ и нашихъ народниковъ,—какія *возможности* существуютъ *de facto* для того, чтобы капитализмъ не развивался у насъ до своихъ послѣднихъ результатовъ. По-моему, это — единственный приемъ, *только объективный*.

До сихъ поръ я указалъ только одно условіе, и условіе *sine qua non*, обхода капиталистической стадіи: оно лежитъ въ совершенной возможности уяснить общинникамъ и кустарямъ, которые еще держатся за общину и кустарный промыселъ или недовольны своимъ разрывомъ съ ними, — тотъ экономическій законъ, по которому немисливо ни хозяйничанье въ одиночку, хотя бы въ общинѣ, ни самостоятельное положеніе кустаря (т.-е. работающаго въ одиночку). Этого мало: я полагаю, что и такой общинникъ, и такой кустарь (бывшіе или настоящіе) только тогда убѣдятся въ великомъ значеніи общины и кустарной артели, когда узнаютъ точно, убѣдительно, къ чему привелъ народовъ Западной Европы тотъ процессъ капитализаціи, которому поддаются или готовы поддаться они, вынуждаемые или нищетой, или желѣзною необходимостью, или просто незнаніемъ того, къ чему ихъ приведетъ этотъ процессъ (къ пролетаріату, обезземеленію, массовой безработицѣ вслѣдствіе кризисовъ, потерѣ домашняго очага, семьи и проч., и проч.). Мы видѣли, что стадія капитализма можетъ быть обойдена, но только въ томъ случаѣ, если она *перезжита массой теоретически*.

Повторяю, конечно: это—*первое* условіе. Еслибъ я довольствовался только имъ, то меня могли бы обвинить хотя и не въ «утопіяхъ», однако, пожалуй, въ стремленіи развить только «классовое сознаніе» самостоятельныхъ кустарей противъ хозяевъ и сознаніе общинниковъ противъ кулацкихъ элементовъ общины.

Но такое возбужденіе «классоваго сознанія», безъ указанія ему опредѣленнаго выхода, уже есть въ деревнѣ; однако, оно выразилось только въ томъ, что Глѣбъ Ивановичъ Успенскій назвалъ «своимъ средствомъ». Желающимъ ознакомиться съ значеніемъ этого термина совѣтую обратиться въ его сочиненіямъ.

Первое условіе, указанное мною, должно идти объ руку неизбѣжно съ слѣдующимъ: 2) если бы кустари и земледѣльцы-общинники могли работать не отдѣльно, а крупными артелями, то исключительно при помощи значительнаго кредита со стороны казны и земствъ. Только при этихъ условіяхъ, они могли бы завести и техническія, и агрономическія улучшенія. При этомъ они не только могли бы конкурировать съ крупными хозяйствами, но и съ кулацкими хозяйствами, какъ земельными, такъ и артельными, и, притомъ, *для нихъ* условія конкуренціи были бы болѣе благоприятны, тѣмъ для крупныхъ хозяйствъ, ведущихся капиталистически, и вотъ почему: каждый «предприниматель», затрачивая капиталъ, желаетъ получить на него не только банковый процентъ, но и прибыль, потому что самъ онъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, употребляетъ не свой капиталъ, а занимаемый или у частныхъ лицъ, или у банковъ за известный процентъ. Поэтому онъ не можетъ довольствоваться только нормальнымъ процентомъ; онъ долженъ получить еще прибыль, иначе ему не стоить хлопотать и рисковать. Но даже и тотъ предприниматель, который употребляетъ свой собственный капиталъ, не можетъ довольствоваться банковымъ %-омъ, такъ какъ ему выгоднѣе отдать свой капиталъ въ ростъ за этотъ же процентъ и тѣмъ освободить себя отъ всякихъ хлопотъ и риска. Наоборотъ, общинная артель, какъ и община кустарей, въ такой прибыли не нуждаются: если каждый ихъ членъ получить обыкновенную рабочую плату, если община въ состояніи будетъ уплатить % банку, она можетъ считать себя счастливой и прочной, тогда какъ «предприниматель» долженъ при тѣхъ же условіяхъ прекратить свои дѣйствія, какъ и крупное или мелкое кулацкое хозяйство. Отсюда результаты вполнѣ очевидны: съ развитіемъ такихъ общинныхъ хозяйствъ и обширныхъ кустарныхъ артелей, кулацкія артели и кулацкія хозяйства, не принося выгоды, должны будутъ исчезнуть,—конкуренція для нихъ будетъ невозможна. Могутъ остаться только «образцовыя» хозяйства, опередившія своими изобрѣтеніями общинныя хозяйства и довольствующіяся скромнымъ % на капиталъ или поддерживаемыя казной, ради развитія агрономическихъ и техническихъ опытовъ всякихъ улучшеній и усовершенствованій. Здѣсь могутъ найти примѣненіи способности и силы всѣхъ тѣхъ интеллигентныхъ русскихъ хозяевъ-земле-владѣльцевъ, которые желаютъ принести дѣйствительную пользу научно

сторонѣ земледѣлія и тѣмъ послужить благу своей родины и артельного крестьянскаго хозяйства. Мы могутъ сдѣлать одно возраженіе: я самъ сказалъ, что кулацкія хозяйства непобѣдимы, потому что пользуются почти даровою рабочею силой. Да, но это лишь до тѣхъ поръ, пока земства или гласна не придутъ на помощь этой рабочей силѣ своимъ кредитомъ.

Вотъ приблизительно и въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ *теоретическія* (я это особенно подчеркиваю) условія, которыя могли бы отвратить отъ насъ грядущій капитализмъ съ его неисчислимыми послѣдствіями, сохранивъ Россіи ея исконныя формы производства.

Возникаетъ вопросъ: осуществимо ли это? Осуществимо ли въ особенности первое изъ поставленныхъ мною условій, т.-е. теоретическое ознакомленіе русскаго общинника и кустаря съ тѣмъ, что положительный законъ уже давно далъ ему практически? Я не вижу ни малѣйшей причины думать, что такое ознакомленіе останется невозможнымъ по внѣшнимъ причинамъ, какъ оно было невозможнымъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Теперь для каждаго, даже не учившагося въ семинаріи, хорошо извѣстны не только изъ книгъ, но даже изъ любой мелкой газеткы, послѣдствія европейскаго капитализма. Трудно допустить, чтобы общество не раздумывалось надъ этими послѣдствіями и не желало устранить ихъ, въ виду тѣхъ ужасовъ, свидѣтелемъ которыхъ оно, хотя и издали, было во Франціи, Италіи и т. п. Столь же трудно допустить, чтобы оно не пришло, наконецъ, къ полному сознанію того, что если въ Европѣ уясненіе законовъ капитализаціи является дѣломъ, разрушающимъ данный, прочно установившійся порядокъ вещей, то у насъ, наоборотъ, *сама капитализація является разрушающимъ началомъ*, уничтожающимъ нашъ исконный строй; а выясненіе народу законовъ этого процесса и его послѣдствій (на Западѣ) является, наоборотъ, дѣломъ, *сохраняющимъ* старыя основы нѣтъ, т.-е. *разумнымъ консерватизмомъ*.

Поэтому я не теряю надежды на возможность осуществленія этого первого и самаго важнаго условія; но это для меня даже не такъ важно: важно показать только, что эта надежда, до известной степени, находится въ рукахъ интеллигенціи, въ рукахъ самого русскаго общества. Отъ нихъ идетъ зависѣть, сдѣлать ли ее осуществимой, или нѣтъ, разъясняя ея значеніе и ея не только безопасность, но и огромное консервативное вліяніе въ Россіи. До сихъ поръ интеллигенція могла колебаться въ двухъ направленіяхъ: народники-идеалисты вѣрили въ наши «основы» и особенности, дѣясь, что онѣ сами собою спасутъ насъ отъ капитализма; наоборотъ, экономическіе материалисты видѣли спасеніе въ капитализмѣ, какъ промѣточной стадіи. Я старался показать тѣмъ и другимъ, что они ошибаются: особенности наши сами по себѣ не спасутъ насъ. Капитализмъ, *идущій самъ по себѣ, на русской почвѣ*, не поможетъ тѣмъ болѣе. Мы видѣли, что процессъ капитализаціи идетъ у насъ не такъ, какъ въ Европѣ, онъ не создается крупными фабриками, а вырастаетъ, какъ мелкая, *условная плѣсень*, въ нѣдрахъ самой деревни, самой общины. Мы видѣли

больше: этот *кулацкий* капитализм может успешно конкурировать съ настоящимъ капитализмомъ, въ европейскомъ смыслѣ, и, навѣрное, съѣсть его, какъ онъ это ужъ дѣлаетъ въ земледѣльческой промышленности. Но онъ съѣсть его и въ обрабатывающей промышленности, посредствомъ капиталистическихъ (кулацкихъ) артелей нашихъ кустарей. Вотъ каковъ будетъ нашъ русскій капитализмъ! Это самый ужасный видъ капитализма — невѣжественный и варварскій. Но, въ добавленіе къ этому, я прошу вспомнить и то, что сказалъ, въ среднѣ статьи, о другихъ специфическихъ условіяхъ нашего грядущаго русскаго капитализма. Прошу вспомнить и то, что указано ранѣе относительно воспитывающаго значенія нашей общины.

Общій мой выводъ таковъ: во всякомъ случаѣ, тѣ условія, которыя я памѣтилъ, если они практически и осуществимы, то лишь съ большою медленностью, и особенно первое изъ нихъ, а потому задачей русскаго общества должно быть пока укрѣпленіе нашихъ исконныхъ формъ производства хотя бы мѣрами паліативными, лишь бы увеличить ихъ естественное сопротивление *быстрому* вторженію капитализма. Эта медленность его движенія дастъ выигрышь времени, дастъ новые опыты въ Западной Европѣ, дастъ возможность назрѣть и осуществиться сознанію того значенія, какое имѣютъ наши исконныя формы экономическія, сравнительно съ западными, и, въ крайнемъ случаѣ, смягчить для массы наступленіе капитализма, если оно окажется неизбежнымъ по отсутствію другихъ условій.

Затѣмъ, исходъ, конечно, будетъ зависѣть отъ большаго или меньшаго единенія всего русскаго общества по этому вопросу. И вотъ въ чемъ я вижу еще одну особенность моего взгляда: возрѣнія нашихъ народниковъ, до извѣстной степени, содѣйствовали квіетизму общества относительно даннаго вопроса тѣмъ, что возлагали много надеждъ на самостоятельность нашихъ исконныхъ особенностей. Наоборотъ, экономическіе матеріалисты, доказывая, что наступленіе капитализма является продуктомъ неизбежнаго закона, создаютъ такой же квіетизмъ среди большинства: «вѣдь, противъ закона ничего не подѣлаешь». Отдѣльныя единицы будутъ искать иныхъ путей, вѣря въ благотворность грядущаго капитализма, и, какъ я показалъ, жестоко ошибутся, смѣшивая Россію съ Европой. Да и много ли такихъ элементовъ?

Особенность моего взгляда состоитъ въ томъ, что самъ я не рѣшаюсь сказать, пойдѣмъ ли мы непременно направо, или непременно налево. Я думаю, это будетъ зависѣть отъ насъ самихъ, отъ нашей энергіи, сознательности, усилій и труда. Во всякомъ случаѣ, я своей точкой зрѣнія устраняю всякій оптимизмъ и квіетизмъ и возлагаю всѣ послѣдствія на само общество, на всѣхъ, кто въ немъ можетъ что-либо сдѣлать. Между тѣмъ, экономическій матеріализмъ дѣлаетъ ту ошибку, что у него нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ въ самомъ процессѣ капитализаціи. Этими я не хочу сказать, что у него нѣтъ правыхъ и виноватыхъ вообще.

Оговариваюсь: я ничего не сказалъ о возможности осуществленія у

насъ тѣхъ условій, которыя я поставилъ во 2-мъ п. Я не говорилъ объ этомъ потому, что считалъ факты, дающіе нѣкоторую надежду въ этомъ смыслѣ, извѣстными всѣмъ. Таковъ крестьянскій банкъ, таковъ банкъ, устроенный въ Пермской губерніи для кустарей, съ небольшимъ капиталомъ, даннымъ казною. Сюда же можно отнести и правительственные за-
 базы кустарямъ. Эти факты, конечно, не убѣждаютъ въ томъ, что будетъ непремѣнно осуществлено нѣчто крупное и широкое въ томъ же направ-
 леніи. Но они указываютъ, что *съ принципа* казна не противъ того, что я поставилъ, какъ условіе. А это уже весьма важно.

Въ заключеніе, нельзя не сказать спасибо авторамъ обѣихъ книгъ за то, что они подняли столь важный вопросъ, возбудили къ нему новый и живой интересъ и дали возможность, пересмотрѣвъ его вновь, установить болѣе точно существенные моменты его. Нельзя не сознаться, что народ-
 ники-идеалисты, успокоенные своими надеждами на русскія особенности, предавались нѣкоторой дремотѣ. Но, къ сожалѣнію, экономическіе мате-
 риалисты внесли во многія души новый квіэтизмъ, увѣривъ, что шествіе капитализма есть «законъ», его же не преидеши; а много ли найдется та-
 кихъ, которые не успокоятся на этомъ?

Л. Е. Оболенскій.